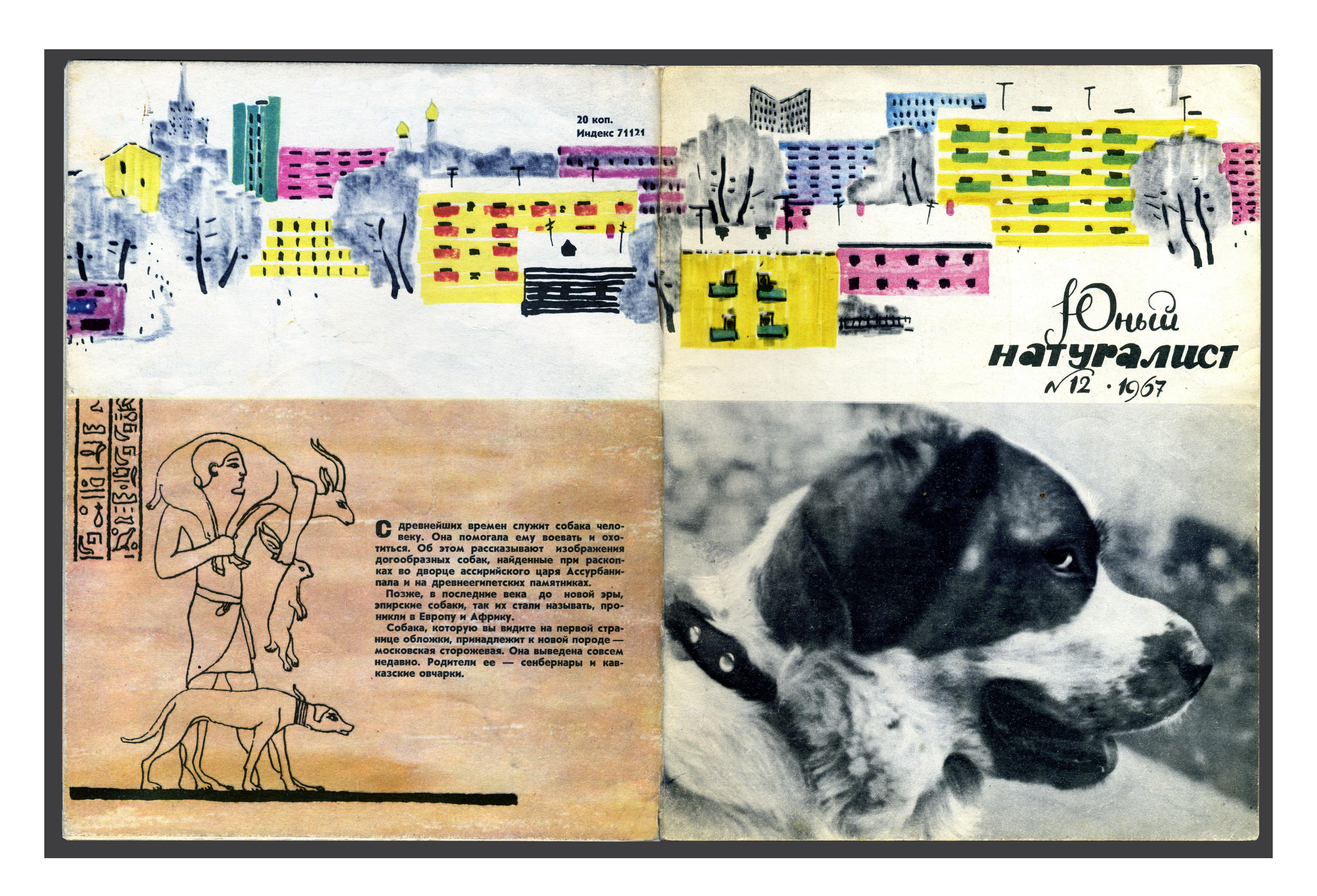

20 коп.
Индекс 71121

Юный натуралист

№ 12 · 1967

С древнейших времен служит собака человеку. Она помогала ему воевать и охотиться. Об этом рассказывают изображения догообразных собак, найденные при раскопках во дворце ассирийского царя Ассурбанипала и на древнеегипетских памятниках.

Позже, в последние века до новой эры, эпирские собаки, так их стали называть, проникли в Европу и Африку.

Собака, которую вы видите на первой странице обложки, принадлежит к новой породе — московская сторожевая. Она выведена совсем недавно. Родители ее — сенбернары и кавказские овчарки.

НАШИ МЛАДШИЕ БРАТЬЯ

Под Ялтой на лесной поляне, живет чародей. Как и у всех сказочников, у него нет возраста. Правда, время морщинит его лицо, серебрит волосы, но удивительно зорки его глаза, проворны руки.

Доброе, бескорыстное сердце у кудесника Павла Павловича Безрукова. Он подарил детворе и взрослым сказочную поляну. Ходит по ней кот ученый, плутовато косится «патрикеевна», выманивающая сыр у растяпы-вороны, катится с пригорка колобок, красуется рублеными углами избушка на курьих ножках.

Удивленные и восторженные девчонки и мальчишки, очарованные малыши. Растревоженные сердца взрослых. Казалось, давно отшумел, поблек для тебя мир сказки, а стоило вернуться в «страну кудесников и чародеев», как новыми красками вспыхнуло когда-то прочитанное, услышанное. И подумалось: как это здорово — хоть несколько часов побыть в своем детстве.

Уже сумерки ползут по ущелью, а мамаши не сладят со своими малышами — не хотят те уходить, и все тут. Да и сами родители оттягивают время прощания с этой чудесной поляной. Я слышу, как умоляет трехлетний карапуз своего папу «ходить сюда еще и еще», и вижу, что глаза отца и сына блестят одинаково.

Есть непреходящая мудрость: со своим ребенком переживи вновь детство. Человечек пришел в мир. Он маленький, но с первых дней очень внимательный. Пытливо и напряженно работает его ум. Мы даже и не подозреваем, какими большими категориями оперирует малыш! Все у не-

го серьезно: он разграничивает добро и зло, серьезное и смешное, гуманное и жестокое. С книжных страниц к нему приходят друзья: простоватый медведь, трусливый заяц, благородные гуси-лебеди, коварные волшебники. А потом он видит настоящих животных.

Уж таков склад детской души, что неосознанно тянется она к нашим младшим братьям. Присмотритесь к малышу, когда он играет с кошкой или собакой. Какая гамма чувств на этом смышленом личике, сколько тепла излучают детские глаза. Наверное, в них вечная благодарность человека своим верным четвероногим и пернатым друзьям.

Трудно точно определить, когда привел человек к себе в пещеру собаку. И так же трудно оценить меру бескорыстия этого благородного друга. Со времен саблезубых тигров до века реактивной авиации — таков ее путь подвижничества, верности. В далекую пору она встала рядом с человеком и с тех времен делила с ним все тяготы долгих веков. Ходила на охоту и охраняла жилище, таскала нарты и спасала тонущих и заблудившихся, тушила пожары и доверчиво ложилась под нож науки. Уж если не написаны человечеством какие-то книги, то в первую очередь о верности и самопожертвовании лохматых друзей.

Из мрака веков человек принес теплое чувство к своим друзьям — животным. Он поклонялся им и ставил памятники, воспевал в эпосе и легендах, боготворил их.

Когда-то в Египте кошку хоронили с императорскими почестями, до сих пор по городам Индии свободно разгуливают священные коровы, шныряют обезьяны. Иногда степень поклонения переходит все рамки разумного, но что поделаешь с вековой человеческой памятью, с той благодарностью к бессловесным братьям, которые помогли человеку стать человеком, отдали все, что имели, своему старшему брату.

Я помню одну беседу с бывшими партизанами. Как о чем-то обычном рассказывали эти люди, не раз смотревшие смерти в глаза, о делах своего отряда. Это было подразделение народных мстителей, наводившее ужас на фашистов. Очень подвижный и бесстрашный отряд диктовал свою волю оккупантам. И только одного задания штаба не могли выполнить: взорвать важнейшую магистраль. Фашисты расставили часовых чуть ли не вдоль всего полотна, придумали хитрые ловушки и засады. Много лучших бойцов потеряли партизаны, но выполнить задания не могли. И тогда из Москвы был прислан четвероногий солдат. Его задача была благородной и трагичной: умереть, чтобы спасти людей.

Ветераны рассказывали о легендарном Джульбарсе и не скрывали слез. Пес бескорыстно отдал себя ради них. Как его и учили, он неслышно прополз между патрулями, выбрался на железнодорожное полотно и перегрыз смертельный для себя капсюль. Партизаны рассказывали, что в отряде после гибели Джульбарса была такая же грусть, как и в тех случаях, когда с задания не возвращались партизаны.

Можно еще и еще говорить о бескорыстии и верности младших братьев, о том, как красят они нашу жизнь, какую радость приносят в каждый дом, если поселяются в нем. Но надо сказать и о другом. Убыстряется ритм нашей жизни, растет городское население. По многим причинам человек все больше отдаляется от природы. И много, ой как много, теряет от этого. Отдельные вылазки за город, мимолетное познание природы мало компенсируют в этой теряющейся связи.

И особенно остро чувствуют это дети. Посмотрите, с каким азартом и удовольствием играет малыш с собакой и кошкой, ежиком и попугаем. Как горят его глазенки, когда он чувствует себя сильным по отношению к слабому, сколько доброты и заботы во всех его поступках и действиях.

Ребятишки могут месяцами просить папу или маму приобрести щенка, черепаху или рыбок. Сжимается их сердце, когда проходят они мимо витрин с клетками и аквариумами. И, наверное, нам, взрослым, надо замедлить шаг, вникнуть в существо ребячьих дум. Вспомнить свое детство, вновь увидеть разноцветный мир сказки и решительно толкнуть дверь магазина или клуба служебного собаководства. Предвижу возражения: купи, а потом хлопот не оберешься. Конечно, не у всех есть возможность построить конуру или выделить отдельную комнату для животного. Но разве, положа руку на сердце, не найдется в каждой семье уголка или подоконника для ребячьего мира, для вашего самого единственного, самого любимого. Я знаю мальчишку, который сменил в своем дневнике тройки на пятерки, как только появился в его квартире щенок. Был он совсем расхлябанный мальчишка, дерзкий и какой-то ощетинившийся. Теперь каждое утро я вижу, как он гуляет с собакой, точно в одно и то же время, хоть часы сверяй.

Мы, к сожалению, не часто задумываемся: а что дает живое существо нашему ребенку. И такое не сразу заметишь. Но то, что это будет только хорошее, в этом не может быть никакого сомнения. Доброту. Качество, за которое мы воюем всеми воспитательными средствами, а его отсутствие горько переживаем, увидев, что взрослеющие сын или дочь жестоки и бессердечны. И не всегда мы в этот грустный период вспомним, что когда-то вышвырнули клетку с птицами, опорожнили аквариум, заставили ребенка занести кошку в лес, пнули в сердцах собаку.

Дисциплинированность. О которой мечтают во многих семьях и читают своим ребятам немало нотаций. Но появись живое существо, за которое почувствует ответственность ребенок, осознает серьезность своей миссии — и такой проблемы не станет.

Любознательность. Часто мы сетуем, что тот или иной ребенок равнодушен, мало чем интересуется. И можно понять это огорчение, наш век — это время пытливых. Но заведись рядом с таким равнодушным живое существо — и появится собранность и любознательность, зорче станут глаза, пытливее ум.

Ревут в небе реактивные двигатели, ракеты уходят к другим планетам, тянутся к небу высоченные дома, транспорт все больше и больше наводняет городские улицы. Живые существа безропотно принимают новые условия, они по-прежнему идут к человеку, живут рядом с ним. Дарят нам светлые минуты детской увлеченности, приносят в квартиры дополнительную радость.

В наших домах растет новый человек, строитель коммунизма. Все мы хотим, чтобы росли наши сегодняшние несмышленыши людьми смелыми и благородными, добрыми и бескорыстными, отзывчивыми и верными. Много мер воздействия на души ребят держим мы в своих руках. И если в вашем доме, квартире появился щенок или аквариум — радуйтесь этому. Значит у вашего сына или дочери появились новые друзья, которые научат их только хорошему. Никогда не мешайте такой дружбе.

А. Виноградов

Юный натуралист
№ 12 1967

Научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.
Журнал основан в 1928 году.

ВОСПИТАЙ ДРУГА!

каждого человека свое любимое дело, свое увлечение. Я, сколько помню себя, всегда питал непреодолимую страсть к собакам. Откуда она у меня — непонятно. В семье никто никогда не держал собак, а я рос с какой-то большой, с точки зрения моих близких, странностью.

В то время в провинции нельзя было достать хорошую, породистую собаку, да никто и не собирался помочь мне.

Но вот и мне улыбнулось счастье. В тяжелые и голодные годы, когда с питанием было особенно плохо, в местном уголовном розыске нечем было кормить розыскную собаку. Мне из темного сарая вывели истощенную, едва державшуюся на ногах собаку. Это был чистокровный доберман-пинчер. Вместе с ним мне дали серую потрепанную папку, в которой нитками были подшиты его родословная и приказ о зачислении. Происхождение собаки было явно «контрреволюционное». Отец ее был легендарный сыщик Треф — из управления московского градоначальника, а мать, Аида, — из самарского губернского полицейского управления. Но особенно умилило нас, что прабабка у него была «Принцесса Флорида фон Тюринген».

Треф — так звали собаку — еле стоял на ногах и тихо и безразлично поплелся за мной, когда я с бьющимся сердцем повел его домой. Дома нас встретили неприветливо: лишний нахлебник в то суровое время был в тягость. Я заботливо ухаживал за Трефом. Вскоре он поправился, стал веселым и общительным и сопровождал меня всюду, обладая исключительной способностью находить меня в любом конце города. С большим удовольствием ходил он с моей матерью на базар, неся оттуда тяжело нагруженную корзину. Дома он таскал из сарая в кухню дрова. И на всю жизнь подкупил сестру, найдя туфлю, которую она потеряла, возвращаясь с елки.

Однажды Треф заболел. У него было воспаление среднего уха. Бедняга страдал от боли, тряс головой и жалостно смотрел на всех, прося помощи.

В городе была единственная лечебница, где орудовал фельдшер с длинными, опущенными вниз усами и хриплым, грубым голосом. Хотя лечение было бесплатным, Ивану Онуфриевичу, по традиции, все платили. Ежедневно, придя из школы, я брал Трефа, и мы шли в ветлечебницу «на процедуры». Треф терпеливо сидел, пока фельдшер промывал ему ухо и засыпал туда сильно пахнущее лекарство.

Однажды, как и всегда, мы с Трефом зашли в ветлечебницу.

— Ты опять своего кобеля привел? — обратился ко мне фельдшер. — Он уже был у меня сегодня на приеме. Все, что нужно, сделано, только вот расплачиваться ты его не научил: соскочил со стола, отряхнулся — и домой. Ни тебе спасибо, ни тебе до свиданья!

На, смотри, — сказал он, видя мое недоуменное лицо, и показал на свежие следы мази.

Меня много раз спрашивали: какая порода собак лучше всех? Какая умнее? Каких собак я люблю больше всех?

Я и сам много раз задумывался над этим. И пришел к выводу, что нет вообще лучшей или худшей породы, есть просто плохие и хорошие собаки. А собаку-то ведь выращивает и воспитывает человек. Это он способствует развитию у нее природных задатков, вырабатывает нужные человеку полезные навыки и затормаживает те, которые являются вредными. Поэтому лучше сказать: нет плохих собак, а есть плохие хозяева, воспитатели и дрессировщики.

Собака в отличие от других животных не только привыкает, привязывается к человеку. Ее чувство гораздо глубже. Она любит своего хозяина, предана ему, старается быть всегда около него, приспосабливается к его требованиям и привычкам.

Хороший, наблюдательный дрессировщик знает свою собаку, ее повадки, реакции, понимает и предугадывает каждое ее действие. В свою очередь, и собака сосредоточивает свое внимание на дрессировщике и старается выполнять каждое его требование.

Через мои руки прошли многие тысячи собак разных пород. Одни были «мои», жили у меня в доме, работали со мной. Другие делили тяготы войны, третьи были «подопечными» в питомниках, которых приходилось обучать и во время войны и после нее.

Многих собак я изучал во время специальных экспедиций в отдаленных районах Севера, Юга, на выставках, испытаниях...

Были собаки разных пород, были доберманы-пинчеры, Треф, о котором я писал, Бенно и Бианка, привезенные из Германии, их внук Бенно II, были незабываемые овчарки — Аза, Белла, Джульбарс, Фактер, черный как смоль, без единого пятнышка Альф. О нем мне хочется рассказать.

На окраине Берлина был большой собачий питомник. Когда мы приехали туда, развалины его еще дымились. Чудом уцелел лишь один полуобгорелый бокс, в котором сидели собаки.

Напуганные, они лежали, забившись в свои будки. В каждый вольер мы поставили воду и положили галеты. Наутро все было съедено. Только на третий день стали мы «брать» собак. Это было не так просто, особенно упирался черный, очень большой, худой пес. Только взятый на повод с громадным проволочным намордником он стих, присмирел и пошел за солдатом.

Я рылся в обгоревших шкафах, разыскивал папки с родословными документами. Вот он, 109-й номер, — черный кобель Альф фон Бухерпаркшлосс. Так состоялось мое с ним первое знакомство. Альфа привезли в Москву. Вскоре он тяжело заболел. Лечить пса было трудно из-за его слепой ярости. Альф облез, похудел еще сильнее. Встал вопрос о его выбраковке. Выбракованного Альфа передали мне. Долго не мог я приучить собаку к себе. Но мое терпение оказалось сильнее, Альф привык ко мне.

Вскоре Альф стал постоянно бывать со мной на занятиях и в поле. Прекрасная розыскная собака с очень острым чутьем, она быстро усвоила русские команды и стала исключительно хорошим миноискателем. Альф «брал» мину, когда другие собаки не могли уловить ее запаха.

На нашу долю выпала тяжелая задача: работать на минных полях 10—12-летней давности, разминировать бывшие районы боев. Мины Альф искал без команды, не пропуская ни одной, и я смело ходил с ним по лесу, зная, что, если он бежит впереди, можно идти, не думая об опасности.

Я помню разрушенный и горящий Полоцк. В ясный летний день он был темным и пасмурным от дыма и гари. Город казался брошенным, мертвым. Жители затаились в подвалах и погребах и не выходили, боясь вражеских мин. Но вот появились солдаты с собаками-миноискателями. Сразу же на заборах и стенах домов появились радующие глаз надписи: «Проверено, мин нет». А рядом в кругу нарисованы острые собачьи ушки — опознавательный знак 37-го отдельного батальона собак-миноискателей. Среди этих собак было много дворняжек: белая с черными пятнами Липка имела на своем счету более тысячи обезвреженных мин. Небольшой лохматый рыжий Желтик, в шутку прозванный солдатами «доктором минных наук», медленно и обстоятельно обнюхивал землю. Казалось, он обдумывал и решал какую-то задачу. Сколько сот километров обошла и обнюхала эта маленькая умная собачонка! Несколько тысяч мин было на ее боевом счету.

Была у меня и лайка. Я привез ее из экспедиции с полуострова Ямал. Звали ее Буро — по-русски значит Хорошая. Она была огненно-рыжая, с черными бровками и уголками глаз, как у современных модниц. На родине лайка пасла оленей, а под Москвой мы поручили ей пасти коров.

В одном из городов Подмосковья все знают большую, красивую овчарку по кличке Байбак. Всегда в одно и то же время она осторожно и не спеша ведет на работу своего слепого хозяина. Байбак обойдет лужу, остановится перед лестницей, шлагбаумом или какой-нибудь другой преградой и вновь пойдет только тогда, когда его хозяин ощупает палкой преграждающий путь предмет и скажет тихо: «Вперед». Так и ходят эти два друга уже много лет. Сейчас под Москвой имеется специальная школа собак для слепых.

А теперь, ребята, подведем итог. Какой же породы должен быть ваш друг?

Если вы живете за городом и у вас есть огороженный участок, вам подойдут длинношерстные собаки, которые могут жить на улице. Им нужно только сделать будку, чтобы они могли укрыться в ней от непогоды, и в зимнее время положить туда подстилку. Это кавказские, южнорусские, среднеазиатские, восточноевропейские овчарки, колли. Хороши новые породы, недавно выведенные в СССР, — черные терьеры и московские сторожевые.

Восточноевропейские овчарки, доберманы-пинчеры, доги, эрдельтерьеры, колли, боксеры — все эти породы хорошо уживаются в доме.

Приобретать лучше всего маленьких щенков. Только что отнятый от матери щенок быстро привыкает к своему воспитателю.

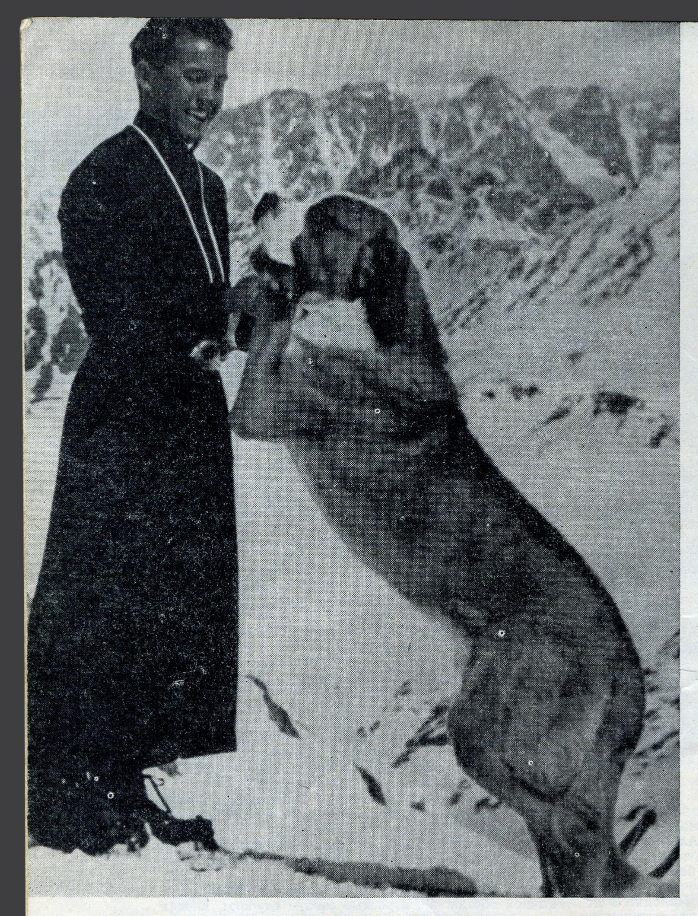
Как правило, оторванные от своего хозяина и привычной обстановки взрослые собаки скучают, иногда по нескольку дней не едят, могут убежать, поэтому их первое время держат на привязи.

Никогда не приобретайте щенка с рук. Лучше обращайтесь в Клуб служебного собаководства. Там порекомендуют, где взять щенка, научат, как его кормить и правильно воспитывать. И вы обязательно вырастите себе верного друга, с которым можно выступать на состязаниях и на выставках.

А. Мазовер

● На далеких Курильских островах собаки помогают нашим воинам нести нелегкую пограничную службу.

● Этого пса колли зовут Верный. Он чемпион и рекордсмен. Недаром его грудь украшает около семидесяти медалей. Владелец собаки москвич Э. В. Попов.

ГОРНЫЕ СПАСАТЕЛИ

Еще когда я был маленьким мальчиком, меня поразили рассказы о героических буднях сенбернаров. Мне рассказывали, что эти огромные собаки отыскивают в снежных горах обессилевших путников и, накрывая замерзающих людей своими телами, отогревают их. А в это время другие собаки мчатся к своим хозяевам, чтобы привести их на помощь. Я слышал, что собака по кличке Лев спасла тридцать пять человек, а другая, по кличке Барри, — сорок.

И вот теперь я еду фотографировать необыкновенных животных. Меня пригласили посетить знаменитое место, где когда-то вывели и где дрессируют сенбернаров. Оно находится на горном перевале Сен-Бернар, на высоте двух с половиной километров. По названию перевала и были названы выведенные здесь собаки.

В древности и средние века по перевалу проходила главная дорога, связывавшая Италию со странами Северной Европы. Много веков подряд по ней непрерывной вереницей шли путники. И кого только среди них не было: бродячие артисты, торговцы, ремесленники, курьеры, нищие, рабочие, императоры, разбойники, пилигримы, священники, путешественники. Не удивительно, что со временем перевал превратился в логово бандитов. Много кровавых дел видел он за свою историю.

Но отчаянные головорезы были не единственной опасностью для путешественников. Многие погибали в пути от сильных снегопадов или метелей. Целые группы людей, застигнутых в горах непогодой, гибли под страшными снежными лавинами.

С каждым годом дорога становилась все нужнее. Все больше людей шло по ней, невзирая ни на какие трудности и опасности. В XI веке предприимчивые церковники построили на перевале монастырь. При монастыре была гостиница. В ней находили приют и защиту все проходившие через перевал. И кто бы теперь ни перешел перевал, это немедленно становилось известно священникам в Риме, Париже и других местах. Церковь непрерывно продолжала свою извечную борьбу за власть над умами людей, и тысячи глаз тщательно следили за народом.

Обитатели монастыря настойчиво распространяли влияние церкви, стараясь подчинить себе как можно больше людей. Они стали знатоками местных гор и часто помогали путешественникам пробираться через перевал, спасали заблудившихся и попавших под обвалы людей. Вот здесь-то и сослужили свою особо полезную службу сенбернары.

Конечно, в наше время перевал этот не имеет уже такого большого значения, как в средние века. Теперь в горах построены тоннели, проложены шоссейные дороги, над горами пролетают реактивные самолеты, перевозя сотни пассажиров. Спасательную службу в горах выполняют специальные самолеты, такие маленькие и легкие, что могут садиться на ледники и взлетать с них.

«Интересно, — подумал я, — неужели и сейчас монахи бродят во время снежных бурь, отыскивая пострадавших путников? И подвешивают ли они еще к шеям своих собак маленькие бочонки с коньяком, которые я видел в детстве на картинках?»

Я вышел из автобуса в маленькой деревушке, расположенной совсем близко от перевала. Деревушка эта известна тем, что большую часть года находится под снегом. Она удивила меня царившей вокруг тишиной, и, осмотрев единственную улицу, я направился в продуктовый магазин, чтобы купить несколько плиток шоколада и апельсины. Ведь мне предстоял трудный подъем в горы. На перевал в январе автомобили не ходят.

Лавочник, узнав о цели моего приезда, посоветовал мне не идти к перевалу одному.

— Хотя сегодня и яркий солнечный день, — сказал он, — никто не может сказать, какая погода будет через час-два. Она здесь у нас меняется очень быстро. Кроме того, путь к перевалу проходит часто по самому краю обрывов и глубоких пропастей. Здесь на каждом шагу подстерегает опасность даже опытных альпинистов.

Досадно было задерживаться так близко от цели, но пришлось ждать попутчика.

Мне повезло. В то же утро спустился с перевала один из монахов купить продукты. Ансельм, низкий и жилистый итальянец, помог уложить рюкзак. Лавочник одолжил мне лыжи, которые были подбиты мехом. На таких лыжах легче подниматься по горным кручам: они не соскальзывают назад.

Вскинув на плечи рюкзак с фотоаппаратурой и одеждой, я невольно крякнул и задумался. Он весил около двадцати килограммов. Для меня это было слишком тяжело, но, взглянув на огромный рюкзак спутника, который был по крайней мере в два раза тяжелее моего, я промолчал.

И вот несколько деревенских домиков исчезли за снежными склонами. Вокруг было все бело, и только одна недавно проложенная лыжня обозначала путь к перевалу. Я смотрел вверх — там Сен-Бернар. Впереди у меня было восемь часов изнурительного подъема.

Вначале уверенность не покидала меня. Бодрящий воздух способствовал радостному настроению, лыжня проходила на пологих склонах. Однако скоро я заметил, что мы пошли медленнее. Воздух становился более разреженным, и у меня стало перехватывать дыхание. С каждой минутой тяжелел рюкзак.

Когда мы достигли каменного убежища, установленного на полпути к перевалу, я уже едва держался на лыжах. Я чувствовал себя совершенно изнуренным и отчаянно боролся с напавшей на меня сонливостью.

Уже давно стемнело, когда мы, наконец, дошли до монастыря. Все мои многочисленные вопросы о собаках, так давно и так старательно приготовленные, заморозились в моих мозгах, и я не смог задать ни одного.

На следующий день вместе со всеми я вышел проводить одного из монахов, отправлявшегося на лыжах в соседнюю деревню.

— Он не берет с собой собаку? — спросил я, провожая взглядом лыжника.

— Нет, собака не угонится за ним, он пошел в долину.

Собеседник посмотрел на небо и нахмурился.

— Было бы лучше, если бы он пошел с собакой, это точно. У нас здесь никогда нельзя верить погоде. Однажды в такой же вот хороший день один из наших отправился показать дорогу шестерым итальянским альпинистам. Погода была хорошая, горы он знал прекрасно и решил обойтись без собаки. Однако вскоре мы забеспокоились. Ветер крепчал. Мы сразу узнали фён. Это такой теплый сухой ветер, который дует иногда у нас в Альпах. Нет ничего хуже, чем этот вероломный ветер с юга. Мы боимся его больше, чем бурана. Когда дует фён, барометрическое давление начинает прыгать то туда, то сюда, сугробы в горах подтаивают, начинаются обвалы.

Скоро, — продолжал рассказчик, — итальянцы возвратились и рассказали, что проводник засыпан обвалом. Он шел впереди группы, ощупывая дорогу, и попал на оползень. Мы несколько часов копали снег, чтобы освободить его из снежной ловушки, но было слишком поздно...

— А разве собака могла бы ему помочь?

— Собака предупредила бы его об опасности. Некоторые говорят, что у наших собак есть что-то вроде шестого чувства. Но я думаю, что они просто отлично слышат и улавливают шорох снега, который должен скоро сдвинуться с места. Одного из нас собаки буквально столкнули с лыжни, которая вела к оползням, и у него на глазах лавины снега со страшным грохотом обрушились в долину.

В то же утро меня познакомили с Эмери, который ухаживал за собаками, и мы отправились на псарню. В длинном и низком каменном строении было около двадцати сенбернаров.

Эмери вошел в помещение и одним словом успокоил разволновавшихся животных.

Через секунду мы оказались со всех сторон окруженными этими могучими животными, преданно уставившимися на своего хозяина и воющими от восторга.

Какие же они были большие! Каждая из собак весила шестьдесят-семьдесят килограммов. От светлой, желтовато-коричневой окраски меха сенбернары казались еще больше. Морды их на вид были мрачными, а вели собаки себя по-щенячьи, и это было очень смешно.

Когда я, новый и чужой для собак человек, оказался среди них, они только мгновенье смотрели на меня спокойно. Затем самый большой из сенбернаров твердо положил передние лапы мне на грудь и лизнул в лицо. Я был в восторге...

— Ну вот! Вас приветствуют, — сказал Эмери. — Это Барри.

— Барри?! Уж не та ли это собака, которая спасла сорок человек? Я думал, что она жила лет сто тому назад...

— Та собака спасла сорок одного человека. Вы имеете в виду Барри Первого. Он служил здесь около ста пятидесяти лет тому назад и был храбрейшим из всех отважных сенбернаров.

Я разложил свои принадлежности и стал фотографировать. Собаковод посмотрел на мои фотоаппараты, о чем-то задумался и быстро вышел. Вскоре он вернулся с небольшим бочонком и прикрепил его у Барри под шеей.

Я вопросительно смотрел на Эмери. Почему он улыбается?

— А это правда, что...

— Нет, — прервал он меня. — Собаки никогда не носили бочонков. Ни разу. Во всяком случае, никто здесь не помнит такого.

Я растерянно смотрел на собеседника.

— Эта легенда, — объяснил он, — порождена, вероятно, художником, который рисовал портрет Барри Первого. Он нарисовал его с бочонком. Художник решил, что так будет интереснее. И не ошибся. Публике нравится эта красивая сказка, и только так она хочет слышать о сенбернарах.

За завтраком я узнал историю великого Барри, который за свою долгую жизнь действительно спас сорок одного человека.

— Рассказывают, — начал Эмери, — что сорок первый человек, засыпанный снегом и обнаруженный Барри, был солдатом. Он уже замерзал, и сознание его медленно угасало. Когда собака его отогрела и солдат пришел в себя, то с перепугу решил, что это волк, и убил Барри своим ножом.

Но на самом деле все было не так. Нам известно, что сорок первым спасенным был не солдат, а ребенок. И конец Барри не был таким печальным. Он верой и правдой служил людям целых двадцать лет, а когда состарился и силы стали иссякать, его перевезли в город. Там он прожил еще два года. А потом, когда он умер, из него сделали чучело. Оно до сих пор стоит здесь, в нашем музее.

— Значит, сорок первым был ребенок?

Эмери кивнул.

— Барри долго согревал мальчика и лизал ему лицо. Наконец сознание вернулось к ребенку, и он обнял собаку за шею. Барри очень осторожно потащил его волоком. Мальчик понял, что собаке очень тяжело, и, собравшись с силами, взобрался на спину Барри, ухватившись руками за его могучую шею.

Сегодня решено было провести тренировку по спасению человека, засыпанного снегом.

Через некоторое время вниз по склону заскользил лыжник. Отъехав подальше, он остановился и зарылся в снег.

— Ну, — сказал Эмери, — сейчас вы увидите, как наши собаки отыскивают людей, заживо погребенных лавинами. Сенбернары прекрасно улавливают малейшие запахи. Уверенно идут по следу человека, который прошел здесь несколько часов тому назад. Они могут чуять его запах под сугробами, независимо от того, жив он или уже погиб. Вот посмотрите, как они будут стараться и как завоют, призывая нас на помощь.

Свора огромных собак вырвалась из псарни и, прыгая по глубокому снегу, рассыпалась веером. Некоторые сенбернары, оказавшиеся на плотной снежной корке, останавливались и, фыркая, принюхивались. И скоро один из них нашел спрятавшегося в сугробе человека.

В первую очередь собака стряхнула с человека снег и легла, накрыв его своим телом. После этого она залаяла и начала лизать лицо человека. Все другие собаки сгрудились вокруг и тоже громко лаяли, подняв такой отчаянный шум, что их было слышно, наверное, очень далеко. Сенбернары не успокоились до тех пор, пока к «пострадавшему» не подъехали люди.

В тот вечер на перевал обрушился небывало свирепый буран. Казалось, снег, со страшной силой увлекаемый ветром, проникает даже сквозь стены, несмотря на их метровую толщину.

Эмери рассказал мне, что после таких буранов иногда приходится выезжать на лыжах прямо из окон третьего этажа.

Прислушиваясь к вою ветра, я упаковывал вещи. Подходило время уезжать. Я спешил задать последние вопросы.

— Когда впервые появились здесь сенбернары?

— Точно этого никто не знает, но примерно в тринадцатом-четырнадцатом веках, — ответил Эмери. — Вероятнее всего, наши собаки происходят от больших коротковолосых ассирийских догов, военных собак древности. С воюющими армиями и торговыми караванами доги попали в Грецию и Рим, а позже итальянцы использовали их для сторожевой службы на боевых постах. А потом уже на перевале этих собак скрестили с собаками-водолазами — ньюфаундлендами. Некоторые говорят, что их скрещивали еще и с другими породами. Во всяком случае, в наших собаках сочетаются все лучшие качества, нужные в горах. У сенбернаров густой мех, защищающий их от холода. В то же время мех короткий, и на него не налипает снег. Собаки огромны, сильны, как быки, но не злые, преданные и мудрые.

— Ну, а сейчас собаки эти приносят пользу или нет? Ведь многие говорят, что сенбернары только для того и нужны теперь, чтобы развлекать гостей.

Эмери задумался.

— Это отчасти правда, — сказал он наконец. — Необходимость в них не так велика в наше время. Но кто может сказать, что спасение даже одной человеческой жизни не стоящая вещь? Ведь в горах бывает много туристов, лыжников-спортсменов, путешественников.

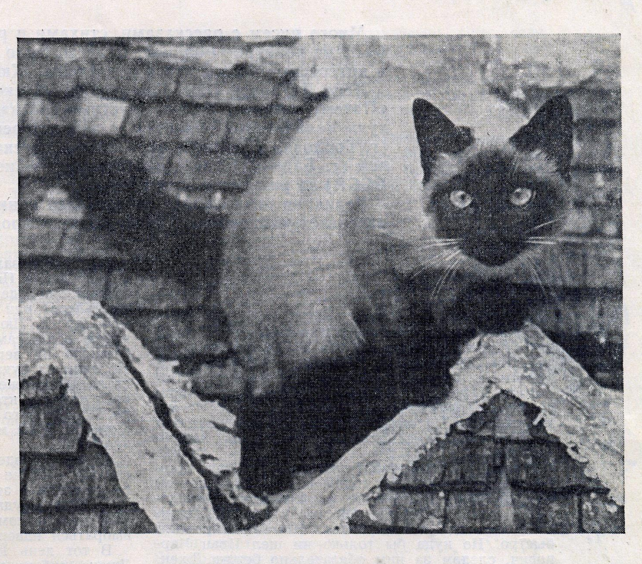
Конечно, — продолжал Эмери, — собак мы теперь держим в основном по традиции, тем более что все наши посетители непременно хотят их видеть. Но все-таки сенбернары выполняют полезную работу. Во время бурана в горах невозможно найти дорогу без собаки.

На следующий день я намеревался уехать. Но погода оказалась ветреной, над самой головой неслись облака. Мне посоветовали не спешить. Я остался еще на сутки. Весь день прошел в работе с фотоаппаратом на псарне. Я уже стал различать собак и запомнил их клички. Жалко было расставаться, но на следующее утро, за два часа до восхода солнца, мы с Ансельмом были на лыжах.

Бросив последний взгляд в сторону псарни, я заскользил вниз. Спускаться было, конечно, легче, и через три часа мы были в деревне. Она поразила меня обилием шумов. Я удивленно прислушивался ко всем этим крикам, визгам, стукам, свистам, и мне явно не хватало среди них громкого лая сенбернаров.

Георг Пиков

Перевод с английского

КОШАЧЬЕ ПЛЕМЯ

Кошка живет везде, где есть человек. Ее не встретишь лишь на Крайнем Севере да на самых высоких горных хребтах. В Европе больше всего кошек у французов, англичан и немцев.

В США есть специальные клубы любителей и защитников кошек, где этих животных регистрируют «с родословной». Обычно это сиамские кошки, мода на которых быстро распространяется. В одном лишь Нью-Йорке они втрое превысили по количеству пуделей, ранее бывших общими любимцами.

Родина сиамских кошек — Таиланд (бывший Сиам). Отсюда они распространились по всему миру. Однажды английский генеральный консул в Бангкоке получил в подарок от сиамского короля пару кошек. Это были священные королевские кошки из славного рода хранительниц буддийских храмов и любимиц буддийских жрецов. Когда он привез их в Англию, они произвели огромную сенсацию. Вот этих кошек и считают «основателями» сиамского кошачьего рода в Европе.

В США сиамская кошка была привезена впервые в 1890 году, но широкая публика узнала о ней только на выставке кошек, состоявшейся в 1902 году в Филадельфии. Однако купить такую импортную кошку даже в 1930-х годах было делом нелегким: за кошку платили 1000 долларов.

Европейская наиболее распространенная кошачья порода совсем не так проста. Ее происхождение долго было предметом споров. Некоторые специалисты утверждали, что она происходит от дикой европейской кошки, другие — что ее предком была желтая кошка, впервые найденная в Нубии и на западном побережье Нила. Правы оказались и те и другие.

Священным домашним животным у древних египтян была желтая кошка, вероятно привезенная туда жрецами из южной Нубии. Из Египта она попала в Аравию, Сирию, потом — вероятно, с кораблями финикийских купцов — приехала и в Европу. Это было в VI—VII веках до нашей эры.

В Европе помеси этой кошки с местной дикой дали начало новой породе — домашней кошке.

В среднем кошки живут до 12 лет, старейшая из кошек дожила до 27 лет, но это случается редко. Кошка умеет далеко прыгать и хорошо плавать, хотя тщательно избегает воды.

Кошка стала домашним любимцем во всем мире. Существует, впрочем, порода кошек, о которой с уверенностью можно сказать, что ее не любят: это бесхвостые кошки с острова Мэн, близ берегов Англии. Один страстный английский любитель кошек с сожалением говорил: «Люди этими кошками не интересуются, а если кто-нибудь такую и купит, то обычно с таким чувством, будто получает «брак». Но я могу в ее защиту сказать, что это интересная кошка и совсем настоящая, хотя хвоста ей и не хватает».

КОНКУРС „РОДНИК"

Много писем с рассказами, стихами и рисунками пришло от вас, ребята, на конкурс «Родник». Нелегко было жюри выбрать самые лучшие и интересные. И вот итоги подведены. Жюри присудило премии:

Лене Дятловой (пос. Малаховка Московской области) за рассказ «Почему у нашей Жучки грустные глаза»; Александру Штепе (с. Еткуль Челябинской области) за стихотворение «Утки»; Саше Корецкому (г. Горловка Донецкой области) за рассказ «Дружок»; Лене Алекимовой (г. Барнаул) за стихотворение «Снег»; Саше Рубцу (г. Слуцк БССР) за рисунок «Лоси у реки».

Редакция поздравляет победителей конкурса «Родник» и ждет новых рассказов, стихов и рисунков. Конкурс продолжается.

Дружок

Наша семья уже несколько лет ездит отдыхать только в Заозерье, что в Ростовской области. На самом берегу Дона мы ставим палатку, плетем из хвороста круглый «стол», привязываем его к четырем кольям. Вокруг него делаем такие же, плетенные из лозы скамейки. Это наша столовая. А всего в пяти метрах плещется река. В Дону я с папой ловлю судаков, лещей, сазанов...

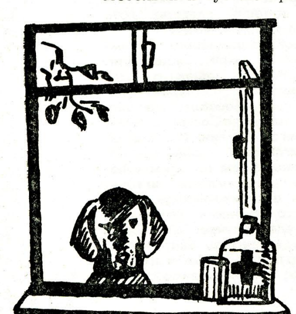
Недалеко от нас стоит дом лесника Ивана Карповича Круглова. Мы ходим к нему за молоком.

Ивану Карповичу уже за пятьдесят, но здоровье у него завидное. Он высок ростом, плечистый, никогда не сутулится. Шагает широко и быстро. Но куда бы только ни шел Иван Карпович, следом за ним обязательно бежит Джек. Собака светло-каштановой масти, с белыми подпалинами. Белые отметки у Джека на кончиках лап, на широкой груди и на самом кончике хвоста.

— Джек у меня из русских гончаков, — рассказывал мне не раз Иван Карпович, — хорошая собака для охоты... Да вот последние годы перестал я ружьем баловаться, и Джеку стало скучно.

Джек — верный помощник лесника. Недалеко от дома, на большой поляне, недавно лесхоз устроил питомник. Стали там выращивать из семян сосну.

Много хлопот приносили сороки. Только уйдет с питомника лесник, а сороки уже на всходах сосны. Вытаскивают из земли молодые сосновые стебельки и тут же бросают их, а сами в земле копаются — червяков ищут. Вот тут Джек и приходит на помощь леснику — сорок гоняет.

Этим летом мы приехали в Заозерье во второй половине июля.

Я решил сходить в гости к леснику. Но дома его не было.

— Второй месяц Иван Карпович в больнице, — сказала Полина Игнатьевна, жена лесника, вытирая слезы своим пестрым ситцевым передником.

Она рассказала, как все случилось.

Уже давно Иван Карпович в лесу разыскивал старый колодец. Когда-то очень давно, лет шестьдесят или семьдесят назад, он стоял у самой дороги. Люди брали из него чистую родниковую воду, сами пили и наливали ее в выдолбленную из вербы колоду — поили лошадей. Но один из рукавов реки изменил русло, дорога стала непроезжей, скоро заросла лесом. Верхний сруб колодца кто-то увез, а сверху набросал хвороста. На него нападали листья, их залило в дожди, и на месте колодца поднялась высокая трава.

В этот колодец и упал Иван Карпович. Тяжести его тела не выдержал тонкий слой сгнившего хвороста и земли.

Стоя по грудь в ледяной воде, он долго кричал, звал на помощь, но никто не шел. Пробовал выбраться наверх, да ничего не получилось.

В тот день Иван Карпович не брал с собой Джека, собака оставалась дома на цепи.

— Ночью Джек сам не свой был, — рассказывала Полина Игнатьевна, — рвался с цепи, как бешеный. А я не отпускала его, не велел этого делать Иван Карпович. Так Джек ошейник перервал и убежал. А только светать стало, заявился домой и давай меня за подол юбки в лес тянуть. Я его хворостиной прогоню, а он куда-то убежит и снова ко мне. Пошла за ним следом и нашла Ивана Карповича. Он уже говорить не мог, только хрипел — так в колодце застыл.

На другой день я вместе с сестрами пошел проведать Ивана Карповича в больнице. Он все еще лежал на больничной койке, худой и слабый.

Разговаривая с лесником, я услышал у окна шорох, взглянул на стекло и увидел голову Джека. Став на задние лапы, он заглядывал в палату.

— Второй месяц караулит меня, — сказал лесник и слабо улыбнулся, — и днюет и ночует под моим окном.

...Мы уже собирались уезжать из Заозерья домой, когда выписался из больницы Иван Карпович. Вместе с ним мы ходили к колодцу, в котором лесник пробыл почти сутки. Теперь там снова высится сруб, а рядом длинные деревянные корыта. Колхозникам так удобнее поить скот.

Следом за нами бежала и собака лесника. Только теперь ее Иван Карпович называет уже не Джеком, а Дружком. И Дружок уже привык к своему новому имени.

Александр Корецкий

г. Горловка

Последняя охота

Однажды я пошел охотиться на воробьев. В руках вместо рогатки была «воздушка». Долго ждать не пришлось. На крышу дома сел воробей. Я тихо подкрался к дому, положил свою «воздушку» на доску и прицелился. Воробей даже не повел глазом. Раздался тихий выстрел, и воробей упал к моим ногам. Радости моей не было предела. Я подумал: «Вот теперь похвастаюсь перед мальчишками!» Воробей был еще жив. Я пробил ему крыло. Тогда я поднял его, положил на ладонь, и он вдруг грустно посмотрел в мою сторону. И тут я подумал: «Зачем я убил его, ведь он мне не мешал?» Мне очень жалко стало его. «А может быть, я его вылечу», — подумал я и быстро побежал домой. Там отыскал одеколон, помазал ранку и перевязал. За моей работой свирепо глядела кошка. Отогнав ее подальше, я положил воробья и пошел во двор.

Через некоторое время я вспомнил про воробья и забежал домой. Но что это? На полу валялось множество перьев, а в углу, жадно рыча, сидела кошка. Так окончилась моя «охота».

С тех пор я дал себе клятву, что больше ни одного воробья не убью.

Саша Стукалов

с. Петровка Башкирской АССР

Наша совка

Знакомый охотник привез нам из леса подбитую сову. Мы отвели ей место в углу, застелили газетами и приделали к стене развесистый сук. Первое время сова страшно щелкала клювом, если кто-нибудь к ней подходил. Но она оказалась на редкость прожорливой. Ела наша пленница и мясо и рыбу, которую мы с папой привозили с рыбалки. Однажды мама сказала нам, что утром сова как-то странно кричала. А ночью всех разбудил тонкий лай щенка. Это, оказывается, сова так кричит. Я встал и включил свет: сова сидела на полу около дивана и щурилась. Я посадил ее на место, дал небольшую рыбку и выключил свет. Из угла слышалось щелканье клюва, но и оно потом стихло.

Подбитое крыло зажило, и птица могла перепархивать по спинкам кроватей. В это время у меня жила полевая мышь. В аквариум я насыпал земли, там она и сделала нору. Как-то вечером мы услыхали глухой удар о пол. Мы удивились, когда увидели, что это была наша совка. А из норы выглядывала мордочка мыши. «Сова-то, наверное, мышь учуяла да и полетела сюда», — сказала мама. Так оно, наверное, и случилось. Надо же, третий месяц живет у нас и все еще не забыла свои хищнические способности!

Если сове давали большой кусок мяса или рыбу, то она хватала корм лапой и спрыгивала на пол. Здесь разрывала мясо на куски и глотала. Но не всякий кусок разорвешь. Сова, если ей попадался такой кусок, начинала мотать головой в разные стороны и, наконец, разорвав мясо, падала на хвост. Потом, взмахивая крыльями, поднималась и проглатывала пищу. А голова у нашей пленницы могла вертеться на сто восемьдесят градусов.

Прошло еще три месяца. Сова все чаще кричала по ночам и беспокоилась. Мы отпустили ее, отвезли в лес за город. Но с братом мы потом долго вспоминали нашу серую неясыть.

Сергей Бычков

г. Юрга Кемеровской области

Яшка

В конце лета я, мама и наша собака Буян пошли в лес за грибами. Как и всегда, собака бежала впереди, а мы с мамой шли сзади. Потом Буян куда-то исчез. Я сначала хотела позвать его, как вдруг услышала где-то недалеко лай. Я побежала туда. И вдруг вижу, что наша собака что-то подкидывает вверх. Я подошла поближе. Смотрю и своим глазам не верю — еж. Я очень перепугалась за него, стала звать маму. Когда она подошла, мы с трудом отняли ежа у Буяна. Мы осторожно положили его в корзинку и пошли домой. Всю дорогу еж пыхтел, как паровоз, а собака бегала вокруг нас, все хотела достать его.

Когда мы принесли его домой, он долго не хотел разворачиваться, но когда мы все ушли, еж осмелел и развернулся, потом подошел к миске с молоком и стал жадно пить.

С того дня и стал у нас жить еж. Назвали мы его Яшкой. Наш Яшка был очень смелый и никого не боялся. Кошкам, которые жили в нашем доме, приходилось очень плохо. Они не могли ходить по коридору, где жил еж. Он тут же подбегал к ним, хватал за хвост и таскал по всей комнате. Даже мама с бабушкой его боялись, так как он хватал всех за ноги. Особенно интересно было с ним играть в салочки, когда он бегает за тобой так быстро, что не успеваешь от него убежать. Ночью в доме творилось нечто ужасное. Яшка бегал по комнатам и сильно топал. Он рвал все бумаги, которые оставались на полу, лазил по кастрюлям, банкам в кухне и только под утро засыпал в углу, накрывшись газетой. Из всех он признавал только меня. Он позволял себя гладить, дотрагиваться до носа, лапок. Это был самый хороший и веселый зверек, которого я видела. И сейчас, когда его уже нет, я часто вспоминаю и буду вспоминать о моем Яшке.

Нина Егорова

Ст. Жаворонки
Московской области

Как заяц волку лес показал

В седьмом номере нашего журнала был помещен рассказ «Как заяц волку лес показал». Рассказ обрывался на середине, и все вы, ребята, получили задание закончить его. Много писем пришло к нам. Но лучше всех, по нашему мнению, получился рассказ у Светланы Верещак из города Жданова. Почитайте его.

— Косой, а косой, давай убежим! — прорычал волк зайцу в зоопарке.

У того от страха уши на спину упали.

— А я-то тебе зачем?

— Да я один дорогу не найду: забыл уже, какой лес бывает...

Заяц поднял потихоньку уши.

— Лес, — говорит, — это трава. Большая такая. И пахнет...

А под утро они убежали. Час бегут, два... Остановился волк.

— Может, уже лес?

— Что ты, серый, это поле...

И побежали дальше. День настал. Опять волк сел.

— Лес, что ли?

— Нет, серый, это огород.

И снова вскачь. Наконец остановились, понюхали землю: опилками не пахнет — значит лес. Отдышались. Волк и говорит:

— Ну, иди ко мне, косой, есть тебя буду.

Заяц так и обмер. Бежать некуда. И придумал заяц...

— Ты, серый, — говорит, — успеешь меня съесть, лучше пойдем расспросим у зверей, чем за добро платят.

Волк согласился. Пошли они. Долго ли шли, коротко ли, но встретили, наконец, белку. Поздоровался заяц и говорит:

— Скажи, белка, чем за добро платят?

Подумала белка и отвечает:

— За добро злом платят. Живу я, никого не трогаю, хозяйка запасливая. На зиму семена собираю, но не все они в мою кладовую попадают. Подует ветер — и разлетятся семена. А потом прорастают, превращаются в прекрасные молодые деревья. Но кто меня благодарит за это? Того и гляди охотник появится — и тогда несдобровать.

Опечалился заяц.

— Пошли, — говорит, — волк, еще спросим.

Пошли дальше, пробираются сквозь чащу, торопятся. Вскоре увидели — сидит на дереве дятел, клювом стучит. Заяц спрашивает:

— Дятел, а дятел, скажи, чем за добро платят?

Подумал дятел и говорит:

— За добро злом платят.

Бедный заяц уже на пенек сел. А дятел продолжает:

— Сколько лет тружусь, лечу деревья. А какая благодарность? Опасность со всех сторон.

Приуныл заяц, чуть бредет. Вдруг встречается им еж.

— Рассуди нас, ежик, — взмолился заяц.

Расспросил еж все, как было, и говорит:

— Не поверю, чтобы вы за ночь в лес успели прибежать. А ну проверим, пойдемте назад в зоопарк. Я там рассужу вас.

Побежали. Бегут заяц и волк, рядом еж катится. Но вот еж развернулся.

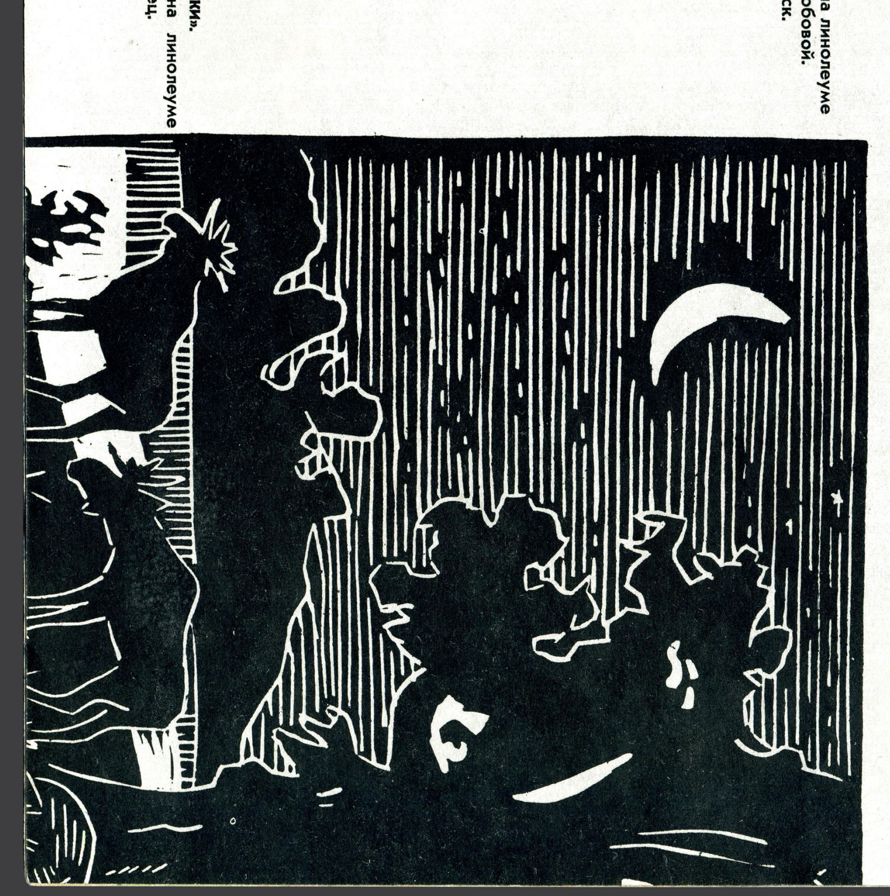
— Приехали, — говорит. — Покажи теперь, волк, где твоя клетка.

Только волк зашел в нее, как еж захлопнул дверь и произнес:

— Тут тебе и место, неблагодарный. А теперь скажу: за добро платят добром.

Поблагодарил заяц ежа, и пошли они вместе в лес.

«ЛОСИ У РЕКИ». Гравюра на линолеуме Саши Рубец. г. Слуцк.

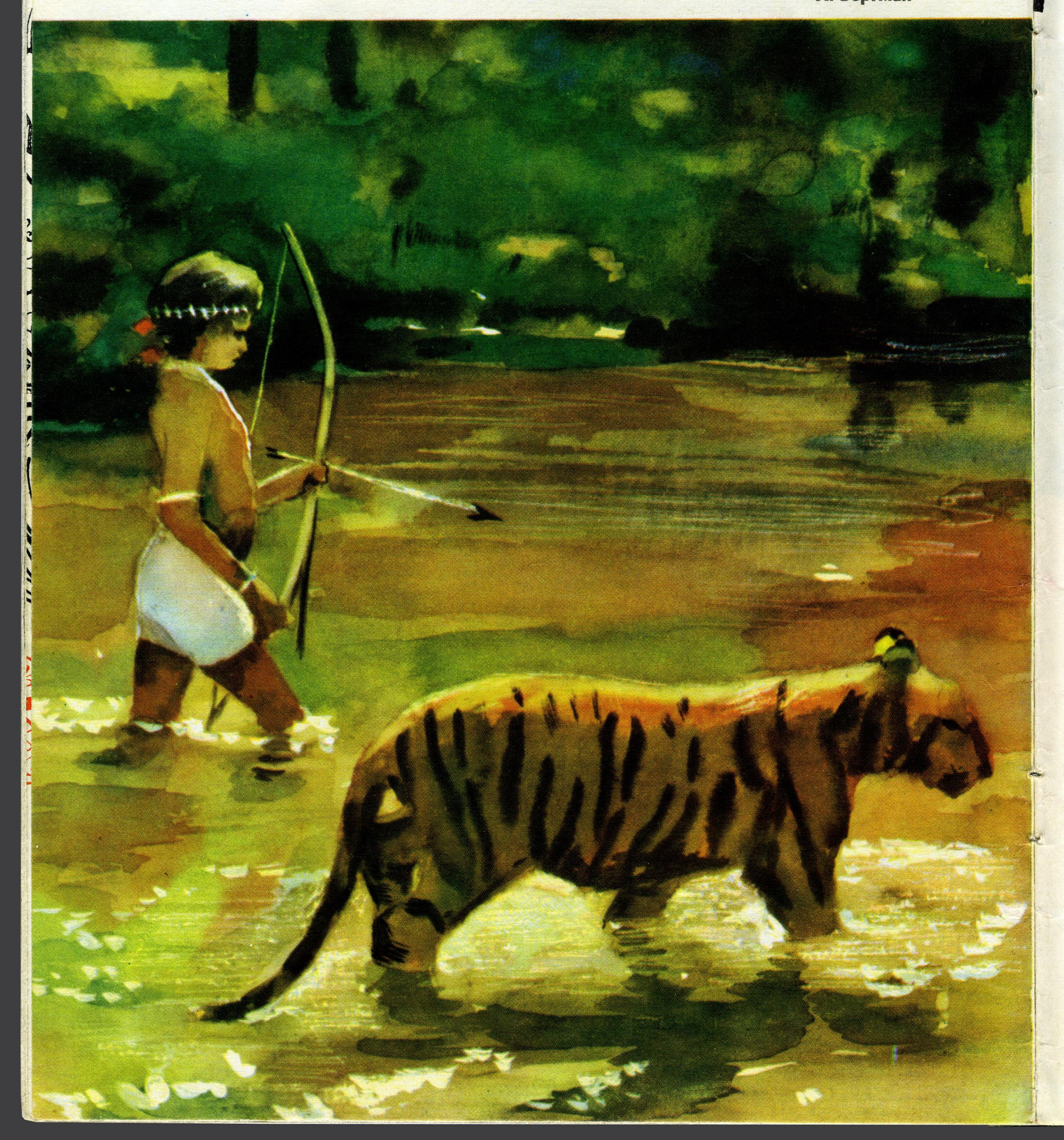
«МОРЖ». Гравюра на линолеуме Лены Колобовой. г. Смоленск.

КОНКУРС „РОДНИК"

У ЧЕНДРУ СВОЙ ТИГР

А. Бергман

Среди джунглей в центре Индии есть деревушка Гар-Бенгал. Жители деревушки из племени муриев считают, что нет джунглей прекрасней тех, которые окружают Гар-Бенгал. Рядом с деревушкой протянулись рисовые поля. А вдали у самого горизонта высятся голубые горы-исполины.

В джунглях живет могучий тигр. По ночам гарбенгальцы слышат его рычание. Все животные испуганно вздрагивают, но хижины Гар-Бенгала, сделанные из бамбука и глины, достаточно прочны и надежны.

Все жители деревни боятся могучего тигра. Боятся мужчины, когда идут ловить рыбу или охотиться, боятся женщины, когда работают в поле или собирают в джунглях плоды и коренья. И дети, когда купаются и играют на речке, лазают по деревьям, пасут скот. Но все они признают, что могучий тигр очень красив. Он красивее солнца, красивее бамбуковых листьев, которые похожи на зеленые звезды на фоне голубого неба, красивее, чем река со всеми ее рыбами.

Живет в деревне мальчик по имени Чендру. Никто в Гар-Бенгале не взберется так быстро вверх по тонкому стволу саговой пальмы, как он. Он сильный и ловкий, настоящий маленький охотник. Любит петь и танцевать, любит купаться в реке и дразнить длинношерстных черных свиней, которые роются в земле вокруг хижин.

У Чендру длинные черные волосы, глаза такие же коричневые и блестящие, как кожа на его голых плечах. Он очень любит смеяться. А когда мама, папа и сестрички Ассай и Сонаи прилягут после обеда вздремнуть под желтым соломенным навесом, Чендру иной раз потихоньку уходит в джунгли.

Однажды, когда Чендру был совсем маленький, он сидел на берегу реки и погонял краба бамбуковой палочкой. Вдруг слышит: обезьяны в джунглях закричали, загомонили. Чендру мигом вскарабкался на дерево. Зашуршали бамбуковые заросли, и появился большой золотистый тигр. Огромные лапы ступали по песку, накрывая маленькие следы Чендру. Беззвучно тигр скрылся за деревьями. С того самого дня Чендру знает, что во всех джунглях, во всей Индии, даже во всем мире нет ничего красивее могучего тигра.

На прогалинах в джунглях Чендру пасет коз. Бывает, коза прямо в лесу родит козленка. Чендру бережно несет его в деревню. Возьмет на руки маленького теплого козленка и мечтает: «Вот бы мне своего зверька!»

Однажды папа Зуну и дедушка (его зовут Тангру) вернулись с Голубых гор, куда ходили на охоту.

— Эта корзина тебе, Чендру! — крикнул папа Зуну.

Что бы там такое могло быть?.. Вкусные плоды манго? Рыжая горная обезьяна? Или змея?

— Там что-то шевелится, царапается! — говорит Ассай.

Тигренок! Настоящий живой тигр!

— Небось это получше будет, чем какая-нибудь вертлявая обезьяна! — смеется дедушка Тангру.

Чендру даже оробел, когда тигренок выскочил из корзины.

А потом они вместе пустились в пляс!

— Смотрите: я ему понравился! — радостно кричит Чендру.

— По-моему, он хочет есть, — решительно сказала Ассай и побежала за буйволовым молоком.

Тигренок тотчас принялся лакать из миски. Пьет и льет, как все дети.

Но вот он облизал свой нос, лапы и вытянулся на спине рядом с Чендру. Отдохнуть захотел.

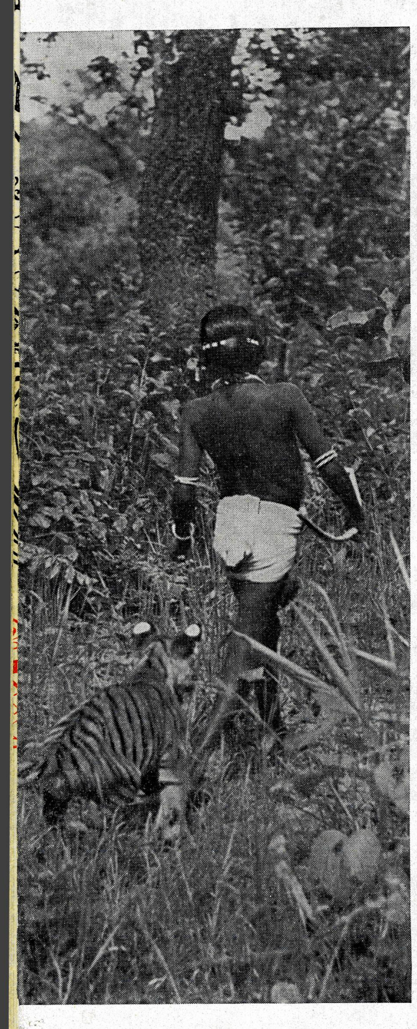
— Назовем его Тамбу! — предлагает папа Зуну. — Отличное имя для тигренка.

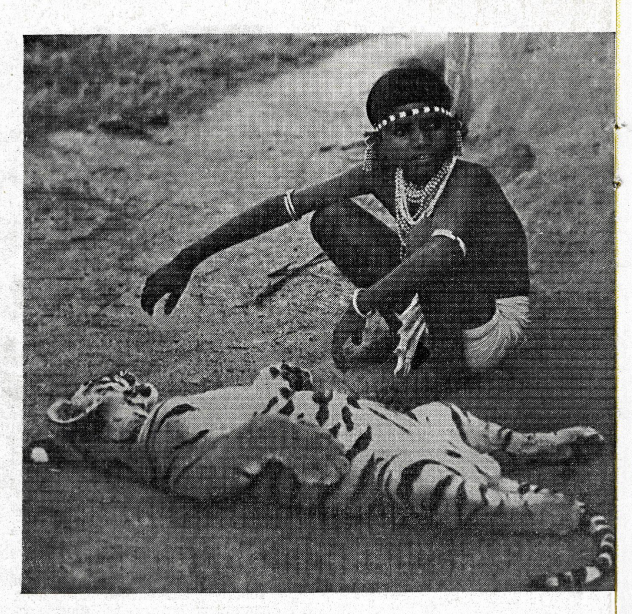
Чендру согласен. Он наклоняется к самому уху Тамбу и шепчет:

— Ты всегда будешь моим другом. Никогда не станешь врагом муриев, не то что могучий тигр, который бесшумно выходит из джунглей и убивает наших буйволов. Будешь всегда жить с нами в Гар-Бенгале. Правда, Тамбу?

Теперь, когда Чендру идет в джунгли вместе с Тамбу, он чувствует себя таким же сильным и храбрым, как вместе с папой Зуну на охоте. Обезьяны-дразнилки тараторят, как всегда. Но при виде Тамбу ис-

пуганно прячутся на самые макушки деревьев.

Тигр есть тигр...

Тукан удивленно глядит на маленького мальчика, который шагает через джунгли вместе с большим тигренком. Потом, издав предупредительный клич, улетает.

Тигр есть тигр...

До чего же хорошо в джунглях! Здесь всегда столько приключений! Сейчас, когда с ним Тамбу, Чендру кажется, что все звери ведут себя не так, как обычно. Полосатые белочки стремглав убегают вверх по стволам деревьев. Обезьяны косматыми мячиками скачут с ветки на ветку и на весь лес кричат, что тигр идет. Большие ящерицы, точно окаменев, замирают на пнях и сучьях. Красавец павлин поспешно уносит в бамбуковую чащу свой длинный яркий шлейф. Вот в груду камней юркнул еж, бесшумно скользнула по траве кобра.

Жаркое солнце накалило сухую землю. У реки все-таки прохладнее. Вот почему Чендру и Тамбу предпочитают ходить по блестящей желто-зеленой воде, которая течет откуда-то издалека. Откуда, Чендру не знает. Тамбу поглядывает на Чендру и послушно идет с ним рядом. Песчаное дно такое мягкое, приятное, и вода так хорошо освежает.

Вдоль реки идут они все глубже в чащу джунглей. Никогда еще Чендру не заходил так далеко даже с папой Зуну. Бесшумно скользят в воде большие рыбы, откуда-то доносится унылый крик павлина: «Иоооиооо!»

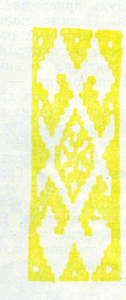
А может быть, это вовсе и не павлин? Чендру вспоминает рассказы дедушки Тангру о невидимых духах. На всякий случай он присаживается на корень, чтобы получше заострить свои стрелы.

Вдруг Чендру в тени под листьями видит два голубых глаза. Там крохотный леопарденок! Сверху, с дерева, доносится глухое рычание. Чендру испуганно оборачивается... На большом суку, следя за своим малышом, лежит мама-леопард. Ее строгие глаза пристально глядят на Чендру. От страха у него мурашки по спине бегут. Большой разъяренный леопард — неравный противник для мальчика, даже если мальчику помогает тигренок. Скорей! Скорей! Чендру и Тамбу бегут обратно в деревню.

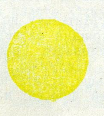
Мальчик из племени муриев должен уметь пахать. Но когда Чендру пашет, Тамбу должен сидеть дома. Во всей Индии нет такого быка, который мог бы вести прямую борозду, если рядом будет резвиться тигр.

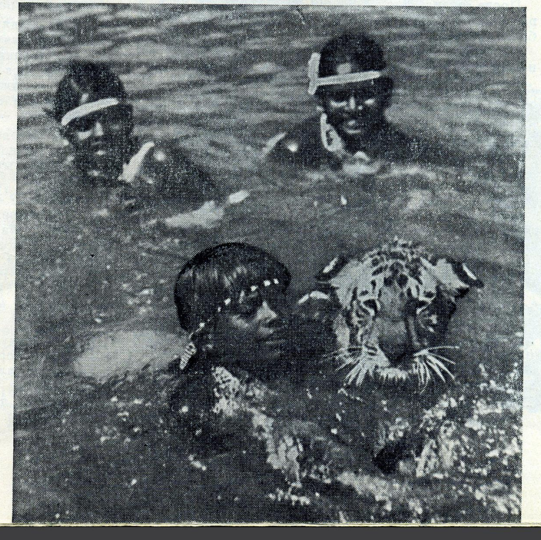

Тамбу стал лучшим другом Чендру. И Чендру мечтает, когда Тамбу станет еще больше и сильнее, поехать верхом на своем тигре через джунгли до самых Голубых гор, где папа Зуну когда-то подобрал маленького тигренка. Оттуда они, может быть, пойдут вдоль других рек в другие, дальние джунгли. Чендру не надо будет никого бояться, потому что Тамбу настоящий тигр, а Чендру его хозяин.

Перевод со шведского Л. Жданова

Наследник красного атамана

А. КОРКИЩЕНКО

Повесть

Тетя Фрося почти каждый день приходила к Панете жаловаться на своего мужа Афоню Господипомилуя.

— Издевается надо мной — мстит за раненого красноармейца, — говорила она. — Ушла бы от него, да застрелит он тогда и меня и вас.

— Пропала твоя жизнь, — соболезновала Панета. — Чтоб его, перевертня-оборотня, холера сгноила!

— Вчера вечером угощал Афоня полицаев и немцев. Пауль приезжал... Со всей станицы самогон собрали. Пьяные полицаи кричали: «Преподнесем Гитлеру достойный гостинец от донских казаков — новый сорт высокоурожайной арнаутки!..» Накормят, ироды, Гитлера нашими пампушками!

— Не накормят! — вырвалось у Ёры; он тесал около кухоньки кол для плетня и слышал разговор.

Тетя выглянула из кухоньки, повторила:

— Накормят, накормят... А кто им помешает? В станице мужчин не осталось боле.

Хотел Ёра в досаде вскрикнуть: «Как так не осталось?! А я, а Гриня, а Васютка не мужчины? Если бы вы знали, что мы можем!..» Но он прикусил язык. Не к чему им знать об их делах.

Закрепив плетень, Ёра долго смотрел на топлые низы. Высокие камыши ходили волнами; султаны недавно бордовые, а теперь серебристые, вызревшие, пеной всплескивались на гребнях зеленых волн. В ериках, заросших болотными травами, тускло, как в мутных старых стеклах, отражались тяжелые дождевые облака. Часть оружия уже переправили туда. Теперь на островах живут спокойней.

После обеда Ёра и Гриня снова отправились в разведку к пустырю, где стоял амбар. В терновой балке Ёра сказал Грине:

— Давай сделаем засаду и посмотрим, никто не наставил на нас глаз.

Засели под огромными лопухами, росшими на сыром дне балки. Только спрятались, зашуршало рядом, и так тихо зашуршало, будто ежик пробежал по траве: полз Митенька! Они навалились на него, завозились, подминая высокую траву. Ёра оседлал Митеньку, схватил за горло.

— Я тебе хрящи поломаю, фашистик! Как твои Ненашковы поломали нашему Васютке...

Бледное лицо Митеньки посинело, слезы брызнули из глаз

— Они не мои... Больно!.. Пусти... задохнусь!

— Ты меня не разжалобишь! — сказал Ёра, но горло отпустил. — Зачем следишь за нами? Говори, а то мы тебя тут и закопаем...

— Витоля посылает следить, — сквозь всхлипывания проговорил Митенька.

— Что ты скажешь своему отцу, когда он вернется?! Он там кровь проливает за Советскую власть, а ты фашистам подслуживаешь?!

— Я не подслуживаю! — взвизгнул Митенька и зашептал, заливаясь слезами — Я же не сказал им, что ты ночью в степь на Казбеке ездил... когда арнаутка сгорела... Я ничего им не сказал...

Ёра мгновенно покрылся холодным потом.

— Выследил-таки?!.

— Я слежу за вами и вру Витоле. Он верит!.. А если бы не я, он сам бы следил... Я же дружу с Витолей на вашу пользу... Я давно хочу с вами дружить, а вы от меня, как от холеры.

Ёра смущенно пробормотал.

— Не играл бы ты с ним в слугу и барина... Ну, кто тебя знал?

Митенька сел, погладил шею тонкими пальцами. Проглотил слюну, морщась.

Улыбнувшись тепло, Ёра положил руку ему на плечо.

— Мы будем дружить с тобой. Мы не знали, что ты такой... Якшайся с Витолей и дальше. Ладно?

— Ладно! — У Митеньки от радости порозовело лицо. — Знаете, что я узнал от Витоли? На днях нагрянут каратели с Паулем...

— Вот тебе и тихоня! — рассмеялся Ёра. — Держи пять на дружбу!

Они пошли вместе в разведку. Залегли на краю атаманского сада среди бодяков. Дальше по пустырю росли лишь редкие кустики голубой полыни.

Амбар стоял на обрывистом берегу в центре речной излучины. Вода за долгие годы подточила каменные береговые пласты, они обрушились, низ амбара обнажился, задняя стена повисла над рекой. Не подобраться к амбару: вокруг — голое место, а от реки — почти трехметровый обрыв.

Ёра и Гриня прошлой ночью подползли к амбару ближе, выяснили обстановку. Два часовых — эсэсовец и полицай — прохаживались по-над самым обрывом, посвечивая фонариками. А днем охрана обычно отсиживалась в весовой, находившейся в метрах ста пятидесяти от амбара у пяти старых осокорей.

Дверь весовой была открыта, и ребята видели немца и полицая Поживаева, играющих в карты.

Через пустырь к весовой шла толстая женщина с кошелкой.

— Кто это? — спросил Ёра.

— Это жена полицая, — сказал Митенька. — Обед им несет. Она приходила к нашей соседке за самогоном. Говорит, дай пол-литра первача, мол, просят охранники, а то им скучно там

— Скучно, говоришь? — встрепенулся Ёра.

— Да, да, так и сказала, — закивал Митенька, довольный тем, что Ёру чем-то заинтересовало его сообщение.

Ёра усмехнулся, похлопал Митеньку по спине.

— Эт-то хорошо! Ты настоящий разведчик!

— Придумал шось? — обрадовался Гриня.

— Пока не придумал, но придумаю, — ответил Ёра. — Айда домой, тут больше делать нечего.

Ёра послал бабку за тетей Фросей; и когда та пришла, очень тонко и осторожно, как ему казалось, поговорил с ней.

— Когда ты носишь обед своему Афоне и немцу, самогону берешь?

Она очень удивилась:

— А что?

— Да ты отвечай на вопрос.

— Ну, беру... Каждый раз по пол-литре. А что?

— Да ничего. Им скучно, знаш-понимаш, караулить арнаутку... Понеси им завтра целый литр. И самого крепкого.

Тетя Фрося еще больше удивилась, но ни о чем не стала спрашивать.

— Ладно, — сказала она, внимательно оглядев племянника.

Ёра отказался от намерения подожечь амбар средь бела дня. Прошли сильные дожди, и неизвестно было, захотелось ли бы мокрому амбару загореться. У него появилась интересная мысль, и он собрался проверить ее вместе с Гриней и Васюткой.

Летом, в сухие дни, питаемая лишь подземными пузыристыми ключами, которые выбивались из глубины каменного кряжа, Егозинка была нежной, прозрачной, полной игривой рыбьей молоди, но в паводки и половодье она завивала свое течение кудряшками-водоворотами и у крутых излучин шипела зло, как рассерженная змея; каменные плиты, выступающие из обрывистого берега, стесывали с ее боков пенную стружку.

Сейчас, после обильных дождей, Егозинка была именно такой. Вода сильно поднялась. Ольхи, росшие в расщелинах каменистого берега, полоскали в ней ветви.

Ёра, раздевшись, сказал:

— Подождите меня здесь, я сплаваю к амбару и все получше высмотрю.

Он выполз из кустов и спустился к воде по выступам каменных пластов, торчавших из крутояра. Если бы под амбаром, нависающим над рекой козырьком, были такие выступы, хоть бы какой-нибудь паршивенький выступчик!

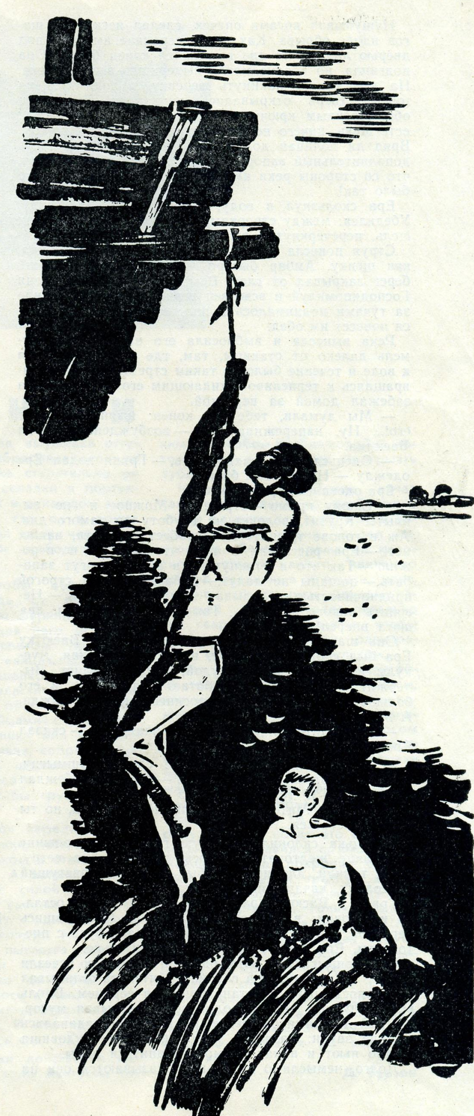
Страшно нырять, слов нет, однако надо, пусть не думают, что он боится. Глубоко вздохнув, оттолкнулся от пласта. Холодная вода обожгла так, что он вздрогнул. Течение подхватило его, поставив на голову, завинтило штопором. Ёра испугался не на шутку. Он не знал капризов течения вдоль обрывистого берега. И никто из ребят не знал.

Течение увлекло Ёру в мутную ключевую глубину. Невыносимо захотелось вздохнуть: грудь судорожно заходила, но он выдержал, не выпустил воздух. А течение, кружа, все тянуло на глубину. Раскинул руки, развел ноги, и его выбросило на поверхность недалеко от амбара. Он задышал, радуясь необыкновенному вкусу воздуха. Подумал: «Ничего страшного».

Быстрая пенистая струя стремительно проносила его совсем близко от берега, вставшего отвесной обглаженной стеной. Здесь каменные пласты стояли торчком. У амбара — ни выступа, ни выступчика. Ёра сделал несколько сильных гребков. Руки заскользили по ослизлому камню, ноги занесло вперед, и он больно ударился животом об острый корень обрушившегося пласта. Охнул, но не растерялся, — обрадовался удаче! — вцепился в него изо всех сил. Отдышавшись, выбрался на опечек.

Вода бурлила и всплескивала у колен. Прижавшись к мокрой стене обрыва, поднял голову. Амбар козырьком нависал над ним, на высоте более двух метров он видел широкие трухлявые доски.

[1] Окончание. Начало в № 10 и 11.

Нащупывая ногами опечек, сделал несколько шагов вдоль обрыва. Как раз в середине амбара под дверью ладони на две выдавался конец балки. Она подгнила, но вполне могла выдержать вес человека. На нее можно накинуть веревку и подняться на торец. Дверь открывалась внутрь и запиралась обыкновенным крючком. Если между ее створками есть щель, ничего не стоит откинуть крючок ножом. Вряд ли полицаи додумались поставить на дверь дополнительный запор. Ведь они, наверное, считают, что со стороны реки амбар недоступен. Если бы это было так!

Ёра скользнул в воду, перевернулся на спину. Убедился: между створками была довольно широкая щель, перечеркнутая ржавой полоской — крючком.

Струя понесла его на горбу, покачивая и кружа, как щепку. Амбар быстро уходил назад. Высокий берег закрывал от глаз Ёры весовую, где Афоня Господипомилуй и эсэсовец играли в карты. Солнце за тучами поднималось к полдню. Скоро тетя Фрося понесет им обед.

Река вынесла и выбросила его на песчаную отмель далеко от станицы, там, где берег спускался к воде и течение было не таким стремительным. Возвращаясь к терпеливо ожидающим его друзьям, Ёра забежал домой за веревкой.

— Мы думали, тебе уж конец: нырнул — и нет его!... Ну, напереживались!.. — возбужденно сказал Васютка.

— Оденься, а то захвораешь, — Гриня подал Ёре одежду. — Ну, шо там бачил?

Ёра одевался и рассказывал:

— Скажу прямо — страшно! Можно и не выплыть. Крутит, волокет на глыботу до самого дна. Аж в голове трещит! Кто сробеет — баста, ваших нет! — Ёра рассказал о том, что увидел и пережил. — Так что и утопнуть и в амбаре могут зацобать — пощады не дадут,— добавил он, со строгой придирчивостью оглядывая лица соратников. — Неволить никого не буду... Так что, добровольцы, два шага вперед!

Они шагнули на середину лужайки. За Васютку Ёра был спокоен. Карапет, но грудь широкая, мускулы выпуклые. Гриня худой, однако жилист. Выдержит. Но насморк заработает непременно, и его большой, ноздрястый нос посинеет, как баклажан. А Митенька...

— Нет, Митенька, ты плохо плаваешь, — сказал Ёра.

— Я вышмыгну, Ёра, честное слово, вышмыгну, если меня засосет на глыботу! — страстно убеждал Митенька. — Я только на глаз тощий...

— Я знаю, Митенька, ты сильный и смелый, но ты должен остаться.

Митенька склонил кудлатую голову. Выгоревшие на солнце желтоватые волосы трепались на ветру, и он, тонкий, длинношеий, был похож на цветущий подсолнух, качавшийся под ветром.

Гриня и Васютка разделись донага, а Ёра остался в брюках: в кармане лежал нож. Опоясавшись веревкой и ремнем, на котором висела кобура с пистолетом, Ёра крепко пожал руку Митеньке.

Они попрыгали в воду один за другим и исчезли с глаз: их потянуло на глубину. Митенька оглядывал поверхность реки с остановившимся сердцем. Вдоль всей излучины играли водовороты, всасывая мусор, смытый дождями с берегов. Из воронок раздавались жуткие звуки: казалось, это неведомые чудовища жадно пьют и никак не могут напиться воды.

Долго, немыслимо долго не показываются они на поверхности реки. У Митеньки слезятся глаза от напряжения. И когда они выныривают неподалеку от амбара, Митенька тихо смеется от облегчения. Ему хорошо видно, как Ёра, первым выбравшись на опечек, подает руку Грине и Васютке.

Он видит, как Ёра сматывает с себя веревку, привязывает к ней нож и закидывает ее за конец балки. Вот Гриня и Васютка держатся за веревку, а Ёра поднимается по ней. Вскарабкавшись на конец балки, он становится на нем и приникает к двери. Теперь Митеньке не видно, что он делает.

Ёра, Гриня и Васютка стояли перед высоким ворохом арнаутки, прикрытым брезентом, напряженно прислушиваясь к звукам извне. До них доносился лишь шум жестких листьев на корявых осокорях да плеск воды под берегом. Ветер дул со стороны весовой. Это было им на руку. Ёра заглянул в узкую щель между досками. Тетя Фрося, зайдя в весовую, выкладывала еду из кошелки на стол. При виде литровой бутылки с самогоном плотный немец засмеялся и что-то сказал, похлопывая тетю Фросю по спине. Афоня самодовольно ухмылялся, усаживаясь за стол. Ёра оторвался от щели, щелкая зубами от холода и нервного напряжения. Вынув пистолет из кобуры, вытряхнул из него воду и положил на пол. Как можно спокойнее сказал:

— Они сели обедать. Тетя Фрося принесла им самогона целую литру... Так что не бойтесь.

Вытянутые лица Грини и Васютки несколько прояснились. Стянув брезент с вороха, Ёра разрезал его ножом на несколько кусков. Подал им.

— Загребайте пшеницу брезентом и ссовывайте. Так будет быстрей. Васютка, будешь посматривать в щель.

И полилась за порог золотая, зерно к зерну, ядреная арнаутка Уманская. Тяжелая, словно дробь, она со свистом и шипом вонзалась в воду. Быстрые струи подхватывали ее и уносили прочь, рассеивая по дну бурной, напитанной дождями Егозинки.

Когда тетя Фрося ушла, ворох заметно уменьшился. И вдруг Васютка, наблюдавший за весовой в щель, сдавленно воскликнул:

— Афоня идет!

— Тихо. Замрите! — Ёра поднял пистолет и, заглянув в щель, отвел предохранитель.

Афоня шел к амбару, держа винтовку под мышкой. На красном, опухшем от частых пьянок лице блуждала улыбка. Он зашел за амбар слева. Ёра передвинулся к боковой стене.

Васютка вжал голову в плечи, а Гриня попятился к открытой двери, за которой плескалась река. Ёра, оглянувшись, погрозил Грине кулаком.

За стенкой протопали ноги, шаги удалялись все дальше, дальше в сторону весовой. Ребята свободно вздохнули.

Снова взялись за брезентовые полотнища. Загребали ими арнаутку, как бреднем воду, волокли к невысокому порогу; она перехлестывала через него, стекая золотым потоком в реку. Васютка подгребал зерно с боков, вычищал его из пазов между досками и время от времени припадал к щели подсмотреть за крепко выпившими часовыми. Те орали песни. От непрерывной тяжелой работы тело деревенело, пальцы сводило судорогой.

— Ничего, бойцы, выдюжим... Совсем немного осталось, — говорил Ёра, обливаясь потом. — Не будет проклятому Гитлеру подарка от донских казаков! Дулю он получит!

И лилась, лилась в воду драгоценная арнаутка Уманская...

ЯЙЦО И ТИККИ

Тикки появился в нашей семье в 1962 году. Его подарили мне в Кении. Он происходил из гордой семьи мангуст обыкновенных. Этот зверек, длина которого от носа до кончика хвоста была 45 сантиметров, оказался совершенно ручным.

Из всех комнатных любимчиков Тикки был одним из самых оживленных и очаровательных. И тем не менее он портил в нашем доме всяких вещей гораздо больше, чем я могла ожидать от такого маленького зверька. Для мангусты обыкновенной передние лапы так же полезны, как для человека руки. Ими Тикки мог забраться в стеклянную пробирку, чтобы вытащить оттуда мучных хрущиков, выскрести джем со дна банки или расписать под мрамор полированные стенки книжного шкафа.

При помощи своих когтистых лап Тикки ловко выуживал из кастрюли с супом кусочки мяса, а для того чтобы напиться, он раз за разом окунал свои лапки в воду и затем досуха обсасывал их. Очевидно, так Тикки поступал на воле. В Африке, где дожди так редки, мангусты обыкновенные собирают на лапки капли росы, чтобы утолить жажду.

Несмотря на то, что во время еды на блюдце у Тикки было сколько угодно корма, он весь день проводил в поисках пищи, рыская по дому. Тикки непрерывно обследовал все щели между стенами и плинтусами и между досками пола, выуживая оттуда сор и разбрасывая его по комнате. Так же старательно он «обрабатывал» складки в портьерах и занавесях и в каждом миллиметре ковра, где он в конце концов проделал дыру, через которую сам мог свободно пролезть.

Для того чтобы обезопасить хоть что-нибудь от нашествия этого неистового шарика энергии, мы изобрели для него игрушки. Наибольшим успехом пользовались «змеи» и «яйца». «Змеями» были зеленые шелковые веревки или широкие эластичные ленты. Тикки подолгу отчаянно сражался с ними. А «яйцами» служили пуговицы от рубашки или стеклянные шарики, галька, собранная на берегах ручья, шарики от настольного тенниса и вообще все, что имело хотя бы грубо округленные формы.

Прижав «яйцо» передними лапами к полу, Тикки, пятясь задом, тащил его волоком к стене, шкафу или двери. А затем, крепко схватив его, с силой швырял прямо между своими задними ногами в стену, одновременно подпрыгнув в воздух. Нам казалось, что Тикки пытается встать на передние лапы вниз головой. «Яйцо» долетало до стены и с треском врезалось в нее, но почему-то не раскалывалось, а только отскакивало. И все представление начиналось сначала.

Конечно, Тикки действовал инстинктивно. На воле мангусты таким способом разбивают яйца, которые им не удается прогрызть зубами.

Интересно, что Тикки начал свои упражнения по разбиванию «яиц» задолго до того, как впервые в своей жизни увидел настоящие. Долгое время он колотил о стенки нашего книжного шкафа различные игрушки, пока, наконец, мы решили дать ему настоящее яйцо. Предварительно мы сварили его вкрутую, чтобы наш любимчик не смог разукрасить обои яичным желтком.

Тикки отнесся к настоящему яйцу точно с таким же вниманием, как и ко всякому другому новому для него предмету. Он внимательно исследовал его носом и лапами, перекатывая с места на место, царапая и похлопывая по нему лапками. Затем он зажал яйцо между передними лапами и попробовал тащить, пятясь то в одну, то в другую сторону. Затем, когда это ему удалось, он направился прямо к ближайшей стене, покрепче схватил яйцо и с силой трахнул его о стену. В скорлупе появилась маленькая трещина. Только теперь Тикки понял, что в его лапы попала какая-то необычная игрушка, коренным образом отличающаяся от других, которыми он занимался раньше. Тикки сильно разволновался и заработал когтями и зубами, пока не проделал в скорлупе большую дыру, через которую добрался до содержимого яйца.

Д. Буртон

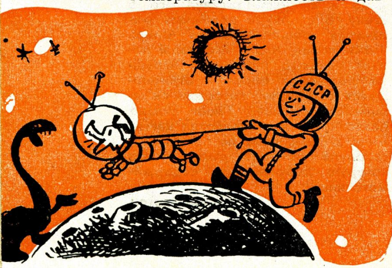
Почему только собака?

Приручение собаки имело огромное значение в жизни людей. Это историческое событие вполне можно поставить в один ряд с созданием паровых машин или открытием электричества. Даже в наш атомный век собака продолжает верой и правдой служить людям: охранять границу, пасти стада, покорять полярные просторы, охотиться. Но и это еще не все. Собака является незаменимым помощником ученых, особенно биологов и врачей.

Если рассказывать о всех открытиях, сделанных учеными с помощью собаки, получилась бы толстая книга. Всем известно, например, что путь в космическое пространство проложила для человека собака. Это она раньше человека поднялась в космических кораблях, чтобы ученые смогли убедиться в безопасности таких полетов.

Но почему при подборе первых космонавтов выбор пал именно на собаку?

Об изучении космоса ученые мечтали еще 30—50 лет тому назад, задолго до создания первых космических ракет. И не только мечтали, но и делали первые шаги. Путь в космос пролегал через стратосферу. Забраться туда на высоту 10—30 километров можно было на воздушных шарах и аэростатах. Ученые знали, что на таких высотах жизнь человека невозможна. Кислород, правда, можно было взять с собой, но сможет ли человек благополучно перенести низкое атмосферное давление? Ведь тогда еще не были изобретены космические скафандры, в которых специальные приборы автоматически поддерживают необходимую температуру, влажность и давление. Нужно было провести специальные опыты. Их решено было осуществить на козах. Предки домашних коз — горные животные. Думалось, что козам будет легче, чем человеку и многим животным, приспособиться к слабому давлению атмосферы. Но надежды не оправдались. Все подопытные животные погибали.

Надолго задержались первые полеты человека в стратосферу, пока не догадались повторить эксперименты на собаках. Животные прекрасно перенесли те условия, при которых погибли козы. Ученые нашли причину. Козы — животные травоядные, а трава — пища гораздо менее питательная, чем мясо. Много травы должны они съедать, поэтому их желудок и особенно кишечник значительно больше, чем у хищных животных. В кишечнике всегда имеется немного воздуха и газов. Но когда при подъеме в стратосферу внешнее давление понижалось, газы, находящиеся в кишечнике козы, ничем не сдерживаемые, расширялись. Кишечник раздувался и сдавливал многочисленные сосуды, сердце, легкие. Это и вызывало смерть животных. У собак, как и у человека, кишечник относительно небольшой. Если в него и попадет воздух, то в небольших количествах, и это не может причинить большого вреда.

Много веков ученые всего мира ломали себе голову над тем, что происходит со съеденной пищей: как она переваривается, как работают органы пищеварения. Трудно заглянуть в живой организм. Сначала поступали так: давали животному съесть что-нибудь, а затем через определенное время убивали его и вскрывали, чтобы узнать, где находится съеденная пища и что с ней произошло. Сами понимаете, какой это был варварский метод. Позже придумали более гуманный. В полый серебряный шарик вкладывали кусочки пищи. Шарик прикрепляли к нитке и давали голубю или собаке. Через многочисленные отверстия в шарик свободно могли проникнуть пищеварительные соки. А в нужное время извлекали шарик и смотрели, что произошло с пищей. Чтобы собрать немного пищеварительных соков, животному давали проглотить кусочек привязанной за нитку губки. Но эти способы позволили выяснить очень немного.

Вот тогда-то и начал свои исследования великий русский ученый Иван Петрович Павлов. Сделав собаке операцию, он изменял направление протоков главных пищеварительных желез. Их концы он выводил через кожу наружу, так что пищевые соки могли стекать в подвешенные к собаке пробирки. В желудок и разные участки кишечника вживлялись серебряные трубки. Теперь всегда можно было вводить внутрь пищу или извлекать ее оттуда. После многолетних опытов удалось очень точно изучить весь пищеварительный процесс. За эту работу И. П. Павлов получил высшую международную награду — Нобелевскую премию.

А как увидеть работу мозга? Как узнать, могут ли животные «думать»? Собаки и тут помогли ученым найти дорогу к изучению мозга. Когда И. П. Павлов изучал пищеварение, он заметил, что пищеварительные соки и особенно слюна начинают выделяться значительно раньше, чем собака получит пищу. Услышит собака шаги служителя, который ее обычно кормит, и у нее начинает выделяться слюна. Услышит бренчание чашки — опять слюна закапала. Впоследствии эти явления И. П. Павлов назвал условными рефлексами. Вырабатывая у животного различные условные рефлексы, можно узнать, что видят, слышат животные, как тонко они могут отличать один звук или запах от другого, что «знают» они об окружающем их мире.

Законы образования условных рефлексов оказались одинаково применимыми к работе мозга собаки и человека. А изучай И. П. Павлов пищеварение не на собаках, тайна работы мозга на долгие годы могла бы остаться нераскрытой. Как известно теперь, слюнные рефлексы не у всех животных вырабатываются одинаково. У кошек, например, их образовать не так просто. Кошка — охотник. Много часов подряд она караулит мышь у норки. Если бы все это время, пока она прислушивается к мышиным пискам и шорохам, у нее выделялась слюна, сколько бы энергии израсходовалось впустую. Но так не происходит. Слюна у кошек начинает течь только тогда, когда добыча у нее в когтях.

Вот как важно правильно подобрать животных для биологических и медицинских экспериментов! Безусловно, испытание новых лекарств, разработку новых операций и проведение других медицинских экспериментов лучше всего было бы осуществлять на человекообразных обезьянах. Но это, к сожалению, невозможно. Они очень дорогие животные, их не так уж много осталось на земном шаре, и их трудно содержать в неволе, особенно в наших климатических условиях. А собака? С ней легко обращаться. Она покорна, терпелива, хорошо переносит длительное заточение в крохотных контейнерах, как было с нашими собаками-космонавтами.

Б. Федоров

СЕКРЕТ ЧУТЬЯ

Добавьте одну капельку серной кислоты в 500 литров дистиллированной воды и хорошенько размешайте. 500 литров — это полтонны! Наполните раствором маленькую пробирку и поставьте ее среди 10 или 20 таких же пробирок с чистой водой. Теперь прикажите собаке искать пробирку, в которой находится одна десятая миллионной части серной кислоты. Если ваша собака знакома с запахом серной кислоты, то она обязательно найдет нужную пробирку.

Вот какое обоняние у собаки! Изучая секреты удивительного чутья собак, ученые провели много интересных опытов.

Представьте себе, что человек только две секунды держал в руке еловую шишку, потом бросил ее метров за двадцать в кучу точно таких же шишек. После этого он дал восточноевропейской овчарке понюхать свою руку и приказал искать. Этот опыт был повторен неоднократно, и каждый раз собака приносила хозяину ту шишку, которую он держал в руке.

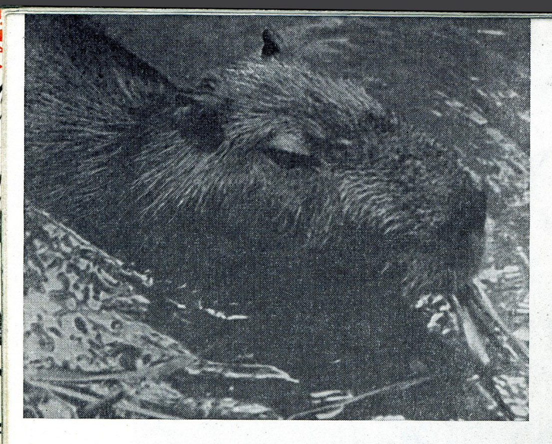
Проводились опыты и сложнее. Шесть человек бросали камни, но только один из них дал собаке понюхать свою руку. Некоторое время собака бродила, опустив нос к земле, и осматривала все камни. Наконец она узнала нужный ей камень и фыркнула. В то же мгновенье уши ее поднялись торчком. Резко дернув носом и мотая хвостом, собака поспешно схватила камень в пасть и понесла его хозяину.

Собаки даже могут чувствовать «запах» страха у человека. Они сразу узнают, какой человек их боится, а какой нет. И узнают об этом собаки не по робким движениям, а именно по запаху.

Чутье у собак настолько тонкое, что некоторые ученые предлагают использовать его для раннего диагноза некоторых болезней у людей — например, скарлатины. При этой болезни организм выделяет якобы особенный предупреждающий запах, о существовании которого люди и не подозревают.

Сильное чутье собак обедняет их другие возможности, и собаки уступают многим животным в способности воспринимать обстановку. Чувство запаха не воздействует на «память» собаки так, как, например, зрение у обезьяны или кошки. Эти животные очень хорошо видят. Если кошка гонится за своей добычей и в это время что-то интересное окажется в ее поле зрения, то, поймав жертву, кошка обязательно вернется к этому предмету. Собака же, идущая по следу, ничего не запоминает, она целиком в мире запахов.

Ученые заметили, что чутье животного зависит от длины его морды. Волк и лиса действительно не имеют себе равных. Но бывают и непонятные исключения. У гиены морда короткая, а запахи это животное улавливает лучше борзой, обладающей самой вытянутой мордой. Загадку эту ученые пока не разгадали.

КАПИБАРА ИЗ КОРИАБО

Капибары, или водосвинки, — самые крупные из всех существующих в настоящее время грызунов. Когда они вырастают, то бывают в длину около метра, а вес их доходит до 45 килограммов. Внешне они очень похожи на морских свинок, которым приходятся родственниками. Это очень древние животные, и в настоящее время их остался только один вид.

Обитают водосвинки в Панаме и в странах Южной Америки. Как правило, их всегда можно найти неподалеку от ручьев и рек.

Водосвинки — животные общественные, живут стаями по десять или больше животных. Греясь на солнце на речных берегах, они издают довольные щелкающие звуки.

Капибары очень миролюбивые создания. Единственный способ их защиты от многочисленных врагов — это бегство. К счастью, они прекрасно плавают и, бросаясь в воду, ухитряются избежать зубов даже таких хищников, как голодные ягуары или пума. Однако в воде водосвинки не могут спастись от кайманов или анаконды. Много капибар гибнет и от стрел индейцев, которые охотно едят их мясо.

Поломка катера задержала нас в Кориабо, но мы не очень унывали. Деревня приятная, люди радушные, а окружающие леса явно изобиловали всяким зверьем. К тому же в самой деревне было множество ручных животных.

Особенно много зверьков держала старая женщина, которую местные ласково звали Мама. Ее хижина больше всего напоминала маленький зверинец. По крыше прыгали зеленые амазонские попугаи, в висящих под стрехой плетеных клетках щебетали синие певчие птицы, два взъерошенных птенца ара рылись в золе очага, в темном углу суетился обвязанный вокруг пояса веревкой капуцин.

Мы сидели на приступке и разговаривали с Мамой, как вдруг из зарослей за домом донеслось какое-то визгливое хихиканье. Трава раздвинулась, и показались два огромных зверя, которые тяжело и важно зашагали в нашу сторону. В метре от нас они сели и надменно воззрились на чужаков. На первый взгляд животные больше всего напоминали двух крупных бурых свиней, если бы не квадратные головы с тупой мордой. Эти морды придавали им чрезвычайно высокомерный вид, который плохо сочетался с визгливым хихиканьем.

Так мы познакомились с капибарами. Я протянул руку, хотел одного погладить, но он мотнул головой и попытался схватить мои пальцы.

— Он хочет сосать, — успокоила меня Мама.

Осмелев, я осторожно поднес палец к морде зверя. Он звонко заржал, оскалил свои ярко-оранжевые резцы, втянул мой палец в рот и принялся шумно сосать. Я почувствовал, как мой ноготь задевает что-то вроде двух костяных терок в глотке капибары.

Мама рассказала нам, как она их поймала маленькими и кормила из бутылочки. Вот и теперь, почти взрослые, они не оставили привычку сосать. Бока капибар украшала широкая красная полоса. Мама объяснила, что это она их пометила, чтобы охотники не подстрелили ее любимцев, когда они бродят по зарослям.

Мы попросили разрешения сфотографировать капибар. Мама кивнула, и Чарлз приготовил камеру.

Образ жизни капибар близок к земноводному. На воле они немалую часть времени проводят в воде, выходя пастись на берег ночью. Нам хотелось снять, как они плавают, и я попытался приманить их к реке. Звери свистели и хихикали, но упорно отказывались спуститься на берег. Когда уговоры не помогли, я попробовал их пугать; ведь во всех книгах по естествознанию пишут, что в случае опасности капибары неизменно ищут спасения в воде. Но эти водосвинки спасались от меня в тенистом уголке за хижиной Мамы. Весь в поту, я носился за ними по деревне, кричал и хлопал в ладоши. Мама озадаченно глядела на меня.

— Пустое дело, — тяжело дыша, сообщил я Чарлзу. — Эти негодяи слишком ручные. У них пропал вкус к плаванию.

Лицо Мамы озарилось догадкой.

— Плавать? — спросила она.

— Да, плавать, — ответил я.

В ответ на зов Мамы двое голых ребятишек, которые играли в пыли неподалеку от дома, встали и подошли к ней.

— Плавать! — сказала она.

Ребятишки помчались вниз к реке. Капибары бросили на нас высокомерный взгляд, повернулись и затрусили туда же. Дети подождали их, затем все четверо нырнули в реку и затеяли веселую возню.

Мама благодушно посмотрела на озорников, потом рассказала, что дети и зверята чуть не с первых дней жизни купаются вместе и теперь капибары без ребят просто не идут в воду. Она слышала от нас, что мы тоже очень любим ручных животных и мечтаем привезти побольше зверей к себе на родину.

— Они уже слишком большие для меня, — сказала она, глядя на капибар. — Возьмете их? Я других достану.

Джек был в восторге, хотя и не представлял себе, как повезет таких крупных животных в Джорджтаун.

ВО-РО-НА

В юности был у меня большой друг — Юра Наумов. Погиб он во время войны. Натуралист первоклассный: тонкий и умный наблюдатель и большой знаток природы. Я всегда восхищался его огромной, самозабвенной любовью ко всему живому. По лесу он ходил, как по своей комнате. Все видел, все слышал, все понимал и многое знал. А сколько секретов выведал он у природы! Часто мы с ним бродили по лесам, лугам и болотам.

Ночевали мы как-то осенью у костра. Было это в предвоенный 1940 год километрах в шестидесяти от Архангельска в непроходимой и дикой тайге.

Шли мы в тайгу по заданию краевой охотничье-промысловой биостанции проверить урожай еловой шишки. Надо было заранее предупредить охотников-промысловиков, останется ли белка в этих краях зимовать, есть ли для нее корм на зиму или уйдет она в другие леса.

По пути в небольшом озерке поймал я четырех хороших окуней да двух плотвиц — на уху.

Совсем уже вечерело, когда мы вошли в тайгу. Нашли хорошее, сухое место для ночевки под большой раскидистой елью. Разожгли костер.

Пока варилась уха и закипал чайник, Юра сказал мне:

— А хочешь, подарю тебе свой рассказ?

— Ну что ж, — говорю, — подари.

Я лежал около костра на свежесрубленном еловом лапнике, поверх которого постелил брезентовый плащ. Я устал. Хотелось есть и, по правде сказать, вовсе не хотелось слушать Юриного рассказа.

— А рассказ будет о нашей обыкновенной серой вороне, — начал Юра...

...Много лет прошло с тех пор, а рассказ этот сохранился в моей памяти со всеми мельчайшими подробностями.

— Ты, наверное, не раз слышал, как какому-нибудь ротозею или просто зазевавшемуся человеку говорят: «Эх ты, ворона!» Или по другому поводу: «Ты, брат, проворонил это дело-то!» Прозевал, значит. Выражения крепко вошли в наш разговорный язык, и все привыкли их считать удачными. А ведь на самом деле это не так. Кличка «ворона» самая неподходящая для ротозеев и рассеянных людей. Жители сельских мест знают ворону, конечно, лучше, чем городские, и считают ее дерзкой и смышленой грабительницей. Она может утащить только что снесенное курицей яйцо, маленького цыпленка, из-под носа у сторожевой собаки украсть кость. На все это ворона большая мастерица!

Хочу я рассказать тебе случай о сообразительности ворон. Как-то летом нашел я в лесу воронье гнездо и задумал сфотографировать воронят, когда их кормят родители. Ворона — птица осторожная и недоверчивая. Недалеко от дерева, где было гнездо, построил я из березовых веток шалаш и дал птицам привыкнуть к незнакомому сооружению. Потом на соседней березе укрепил фотоаппарат и замаскировал его ветками. Сидя в шалаше, я должен был дождаться момента, когда ворона начнет кормить своих птенцов, и дернуть за ниточку спуск фотоаппарата. Будь на месте вороны какая-нибудь другая птица, наверное, все обошлось бы благополучно. Но когда я первый раз пришел и залез в шалаш, вороны переполошились и ни разу не подлетели к гнезду. Просидев часа три в шалаше, я ушел, как говорят, не солоно хлебавши.

На следующий день я пришел вдвоем с товарищем. Через полчаса товарищ ушел, а я остался в шалаше. Но и на этот раз повторилась вчерашняя история. Вороны летали вокруг гнезда, отчаянно кричали, но на гнездо не сели, пока я не ушел.

На третий день утром нас пришло трое. Мы залезли в шалаш, а через полчаса два моих товарища ушли Но вороны сосчитали правильно и на этот раз. За все время, пока я сидел в шалаше в полном одиночестве, птицы ни разу не рискнули подлететь к гнезду и накормить птенцов.

При четвертой попытке нас было уже четверо — больше шалаш не мог вместить. И... четвертая неудача.

Что же делать? Наконец придумали...

В это утро вороны ясно видели, как пришло и залезло в шалаш что-то «одно» и ушло из шалаша тоже что-то «одно». Это были мы втроем, накрытые большим черным покрывалом. Обратно под покрывалом ушли двое, а я остался в шалаше. Только так я смог сделать снимок, о котором мечтал.

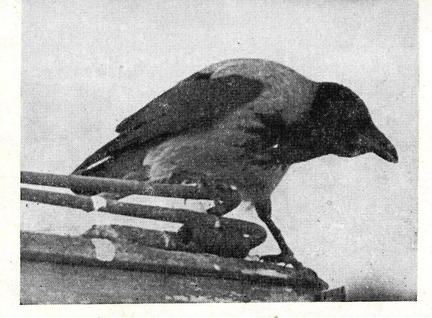
Помню, я тогда спросил Юру:

— И ты думаешь, что ворона умеет считать?

— Нет, я не думаю, чтобы вороны могли считать, как мы с тобой.

Мне кажется, тут дело обстоит проще: количество людей оценивалось птицами на взгляд,

по общему впечатлению. Вороны гораздо сообразительнее, чем мы о них думаем. Недавно психологи установили, что «на глаз» человек может определить достоверно число однородных предметов не свыше шести. Семь предметов требуют уже пересчета. В опыте, который я провел, участвовали четыре человека, и оценить такое количество «предметов» вороне оказалось «по плечу». Конечно, было бы интересно продолжить опыт, увеличивая число людей, и посмотреть, когда же наступит для вороны ее «порог».

А вот тебе другой пример. Ты сам прекрасно знаешь, как легко ловить разных певчих птиц. А ворону поймать очень трудно. Живет она рядом с человеком, и, глядя на нее, можно подумать, что она не боится людей. Но это не так. На самом деле ворона все время держит «ухо востро». Я знаю только один надежный способ, как можно ее поймать. Это «фунтик». Обыкновенный фунтик, свернутый из бумаги, на дно которого кладется кусочек мяса.

Фунтик втыкается в мусорную кучу. Зоркие вороны сразу заметят появление нового предмета и быстро разглядят засунутое в фунтик мясо. Но не решатся взять мясо сразу: опасаются ловушки. Иногда одна ворона улетит, уступая место другой. Но если птица очень голодна, то засунет, наконец, голову внутрь и — фунтик на голове. Ворона ошеломлена. Она ничего не видит. Боится взлететь и обычно остается на месте, беспомощно вертя головой. Можешь подойти и просто взять ее руками. Очень редко ворона с фунтиком на голове срывается с места и летит, обычно низко над землей, пока не ударится о какое-нибудь препятствие.

Почти каждая птица приспособлена к питанию довольно однообразными кормами. Поэтому птиц легко разделить на категории: зерноядные, насекомоядные, хищные, стервятники. Теперь попробуем разобраться, на чем специализируется ворона.

Она насекомоядна. Вместе с грачом ворона идет по пашне, выбирая из земли личинок насекомых.

Она хищник! Яйца и птенцы мелких птиц ее излюбленная пища. А когда трактор поднимает зябь, вороны массами следуют за ним и ловят мышей-полевок. Полевок ворона подкарауливает и около снопов, сложенных в груды. При этом ворона иногда и зерноядна, так как изредка выклевывает зерна из колосьев.

Ворона — стервятник. Недаром их такая пропасть всегда суетится у городской бойни или на свалках. Труп павшего зверя легко можно найти в лесу, потому что над ним обязательно вьется крикливая стая ворон.

Ворону можно встретить на полях и лугах, в лесах и поселках, на берегах рек и озер. Она всюду дома! Она живет везде, ест все и умеет и может так много, как никакая другая птица.

И ни одна прирученная птица не доставит столько удовольствия, сколько ворона. Ты ведь знаешь, что у меня было более 70 видов прирученных диких птиц. Но из всего этого множества лучшим моим другом была ворона.

А вот гнездо свое ворона делает плохо: нагромождает нескладную кучу ветвей почти без всякого углубления для лотка. Поэтому воронята, подрастая, частенько вываливаются из гнезда. Обычно это случается с ними тогда, когда они уже почти совсем оперились — только живот голый. Разбиться такой вороненок не может. Падая, он распускает крылья и неуклюже планирует. Упав, он прячется в кусты где-нибудь поблизости. Родители кормят и оберегают его так же заботливо, как и остальных птенцов в гнезде.

После одной грозовой ветреной ночи очутился на земле и мой вороненок. Он был мокрый и выглядел удивительно растерянным. Я тогда еще не знал, что уход и заботы родителей ему обеспечены и, взяв его из жалости с собой, думал, что спасаю вороненка от неминуемой смерти. На меня он смотрел злобно и клевался пребольно. Два дня жил вороненок в лукошке с сеном и был очень диким. Корма из рук не брал, и его приходилось кормить насильно. На третий день вороненок постепенно начал открывать клюв сам, а еще через два дня его дикости как не бывало. Проголодавшись, он настойчивым криком требовал еды. Кормили мы его хлебом, вымоченным в молоке, и вареным яйцом.

Голос вороны настолько богат выразительными интонациями, что отдельные «фразы» невольно хочется перевести на человеческий язык.

Тончайший натуралист и наблюдатель Э. Сетон-Томпсон в своем рассказе «Серебряное пятнышко» дал несколько таких переводов. Но у него не было ручной вороны, и поэтому он не знал многих «фраз», которые можно услышать лишь в дружеском общении с птицей.

Я, например, научился различать у моей вороны:
«Хочу есть!»
«Почеши меня за ухом!»
«Какой ты хороший!»
«Отстань!»
«Убирайся отсюда!»
«Караул, бьют!»

Били ворону дрозды, в изобилии гнездившиеся в лесу по соседству с нашей дачей, нападая на нее во время дальних прогулок. Спасаясь от них, ворона поспешно летела к дому, и, если в саду замечала кого-нибудь из нашей семьи, спешила сесть к нему на плечо, неистово каркая. Успокоившись и довольная тем, что избежала неприятной погони, она начинала ласкаться, тихо воркуя. «Почеши меня за ухом», — как бы просила она. Ворона очень любила, когда ее чесали за ухом, и явно напрашивалась на эту ласку. Если же ей доставляли это удовольствие, то воркование ее становилось совсем нежным. Я истолковывал его так: «Какой ты хороший» или «Большое тебе спасибо».

Большая часть ручных птиц знает своего хозяина, но только ворона отличает его так хорошо от чужих.

С собакой у вороны были наилучшие отношения, но кошек, живших в доме, она терроризировала настолько, что они, лишь робко озираясь, выходили на террасу — место, где ворона учредила свою главную базу. Может быть, ворона не хотела, чтобы кошки появлялись на территории, которую она считала своей. И стоило только чем-нибудь угостить кошку, как ворона тут же отнимала у нее пищу. Я не помню, чтобы она нападала на них в другой обстановке. Так, например, во время прогулок сестер на пруд она сопровождала их вместе с собакой и кошкой.

День у вороны начинался раньше всех. С восходом солнца она влетала в комнату сестер. Если окно было закрыто, будила их, барабаня клювом по стеклу и требовала корма. В чаепитиях, обедах и ужинах она была непременным участником; расхаживая по столу, пила молоко и брала кусочки от каждого кушанья. Наевшись, начинала зачастую таскать куски про запас — в кладовые, находившиеся в разных уголках на террасе. О спрятанном она потом вспоминала изредка, а если вспоминала, то вытаскивала и перепрятывала свои запасы в другое место. Никогда я не видел, чтобы она съела что-либо из «кладовой». В конце обеда она обычно садилась на плечо к отцу и дремала, закрыв глаза.

Кроме кладовых для съестного, ворона устроила на крыше склад наворованных ценностей: кусочки стекла, обмылки от туалетного мыла, цветные тряпочки и нитки, кусочки жести, различная блестящая металлическая мелочь. Все это было заботливо укрыто прошлогодними сухими листьями. Время от времени ворона «открывала» свой склад, раскладывала «богатства» на крыше и, видимо, любовалась ими.

Однажды она стащила маленькие ножницы, и мне пришлось раскопать ее склад. Вороны не было дома. Старательно укрыв ее рухлядь сухой листвой, я спустился в сад и стал ждать. Мне хотелось узнать, обнаружит ли она, что в ее складе кто-то хозяйничал? Не прошло и пяти минут, как я увидел ворону, летевшую из леса прямехонько на крышу. Она сразу же заметила непорядки. Суетливо раскидав листву, она заволновалась. Видимо, заметила «ограбление». Иначе чем можно объяснить, что склад сейчас же был перенесен в другое место?

Через несколько дней мне пришлось вновь заняться изъятием похищенных ценностей. На этот раз все происходило у вороны на глазах. Она страшно негодовала и истерически кричала: «Караул, бьют!» А когда я слез с крыши, она тут же начала переносить свои богатства, на этот раз устроив уже не один, а два склада в новых местах.

В нашем саду в первый раз должны были зацвести штамбовые чайные розы. Мы с нетерпением ждали этого дня. Но едва появлялся бутон, как ворона отрывала его, тащила на крышу и там, растеребив, раскладывала лепестки. Видимо, вороне нравилась их яркая окраска.

Из соседней деревни приносила нам молоко девочка лет двенадцати. Ее звали Дуня. И каждый день, прежде чем уйти, она подолгу забавлялась с вороной, которую она — единственная из всех посторонних — сумела приручить. Ворона знала Дуню и позволяла ей себя ласкать, садилась девочке на плечо, брала у нее из рук лакомства. Дуня очень привязалась к птице и каждый раз просила отдать ей ворону. Наконец вся семья согласилась расстаться с нашей проказницей.

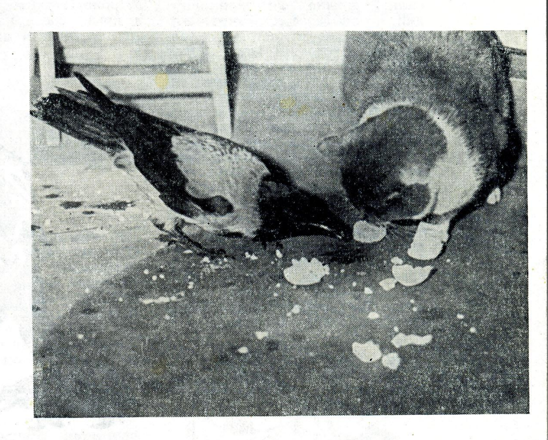

Рис. В. Карабута

И вот в один прекрасный день в корзинке, накрытой тряпкой, Дуня, сияющая от радости, унесла ворону.

Сперва Дуня держала ворону в ящике, закрытом сеткой. Затем несколько дней ворона просидела на маленькой застекленной террасе. После того как она была выпущена на свободу, птица быстро завела знакомство с местными воронами.

Наступила осень. Мы уехали с дачи. Дуня стала ходить в школу. Ворона по-прежнему дичилась всех, кроме нее. Никому не доверяла и, не видя девочки целый день, все больше и больше сживалась со своими пернатыми сородичами, которые, вероятно, уже готовились откочевывать.

Каждый вечер, возвращаясь домой, Дуня останавливалась на плотине, около которой всегда вертелась воронья стая, и нежным голоском кричала: «Воронушка!» Из суетливой и шумной стаи ворон тотчас вылетала одна, садилась к ней на плечо, получала что-то вкусное и нежно ворковала: «Почеши меня за ухом!»

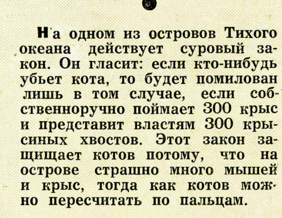
Но однажды вечером на зов Дуни никто не ответил, никто не вылетел из каркающей стаи. Ворона исчезла. Вероятнее всего, вместе со своими новыми подружками она откочевала на юг.

С. КЛУМОВ

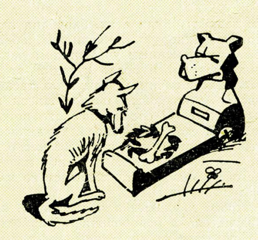
Оказывается

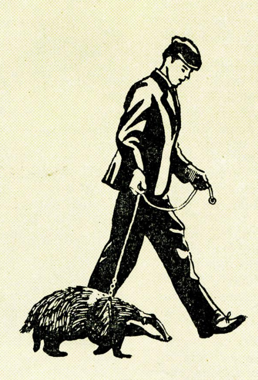
Когда директора одного из австралийских зоопарков спросили: можно ли приручить динго, он ответил, что это возможно, но в настоящее время в Австралии существует положение, по которому частные лица этих животных содержать не имеют права.

Смотритель зоопарка в австралийском штате Квинсленд держал в клетке динго, которого поймал еще маленьким щенком и заботливо вырастил. Однажды смотритель находился у животного в клетке, как вдруг тот молча, без какой-либо причины бросился ему на шею. С многочисленными глубокими ранами смотритель едва вырвался. И такие случаи нередки. Поэтому даже вроде бы прирученному динго доверять совсем нельзя.

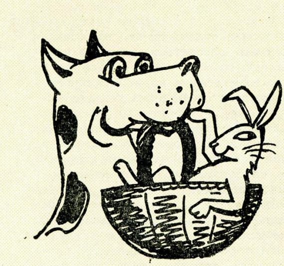
На одном из островов Тихого океана действует суровый закон. Он гласит: если кто-нибудь убьет кота, то будет помилован лишь в том случае, если собственноручно поймает 300 крыс и представит властям 300 крысиных хвостов. Этот закон защищает котов потому, что на острове страшно много мышей и крыс, тогда как котов можно пересчитать по пальцам.

Недалеко от Рима находится собачье кладбище. Там часто можно видеть одну немецкую овчарку, которая приходит на могилу своего четвероногого друга.

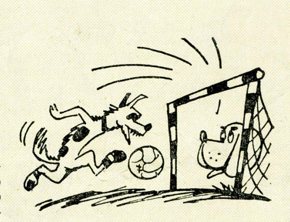
У одного автомеханика вместо собаки служит лев. Соттера (так зовут хозяина льва) совсем замучили соседи, требуя через муниципалитет избавить их от звериного соседства. Городские власти предложили Соттеру отправить куда-нибудь своего питомца, дабы не нарушать «санитарных» правил. Тогда Говард Соттер устроил льву душ на открытом воздухе, поливая его из шланга. Лев спокойно принял эту процедуру. Таким образом, Соттер продемонстрировал кротость царя зверей и заодно выполнил санитарные требования.

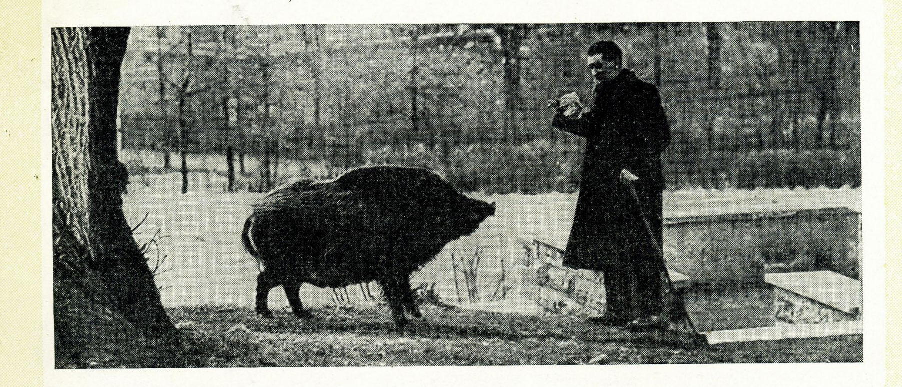
Народ останавливается, когда Джон Холлей и его любимец Туффи проходят мимо. Туффи — девятимесячный барсук. Джон нашел его во время охоты. Один из терьеров Джона принес Туффи в своей пасти. «Он ест довольно много», — заявляет Джон. — Спит в течение дня, а по вечерам гуляет». Барсук часто заходит в дом поиграть с терьерами. До сих пор Туффи не выражал желания вернуться на волю.

В одном английском городке живут два неразлучных друга — пес Рама и зайчонок Берти. Когда они выходили на прогулку, зайчонку никак не удавалось идти в ногу с собакой. И вот выход был найден: большой пес, к удовольствию прохожих, начал носить своего маленького приятеля на прогулку в корзинке.

Бельгийский газетчик Хумберт Фах заметил, что его упорно преследует какой-то пес. Рассердившись, Фах запустил в собаку камнем. Животное бросилось бежать и выпустило из пасти какой-то предмет. К своему большому удивлению, газетчик заметил, что собака выронила потерянный им бумажник, который она хотела вручить владельцу.

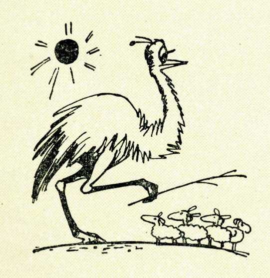

Инструкторы собак в Каире включают футбол в план тренировок животных. Лающие «звезды» футбола привлекли своей игрой многочисленную публику.

Жители одного из курортных городков часто встречают человека с толстой палкой, а за его спиной черное чудовище. Это преподаватель лечебной гимнастики с Рези, ручной кабанихой, выкормленной им пять лет назад из соски. Теперь она ходит за ним, как собачонка. Иногда когда ей надоедают прогулки, Рези укладывается на тротуаре, и только куском булки и нежным почесыванием ее можно сдвинуть с места. Раз в году Рези нарушает верность: исчезает на несколько дней в леса Тюрингии. Отпраздновав свадьбу, она весной радует отдыхающих выводком маленьких кабанят.

Рис. Г. Кованова

Его назвали Ватсоном — по имени верного друга Шерлока Холмса. Четыре года назад этот эму остался без матери и прижился на ферме одного австралийца. Тот выдрессировал Ватсона, сделав из него незаменимого сторожа овечьего стада.

Овчарка одного норвежца спасла жизнь детям. Два мальчика сели в лодку типа каноэ, которая перевернулась. Дети очутились в воде. Плавать они не умели. В этот момент в речку бросился пес, схватил младшего мальчика за куртку, а старший уцепился за ошейник собаки. Таким способом все трое выплыли.

Этот случай произошел в Африке. Однажды в одной семье пропал щенок. Поиски в течение нескольких дней не дали результатов. В этой же семье уже несколько лет жила ручная ворона. И вот заметили, что птица, вместо того чтобы есть ту пищу, которую ей давали, забирала ее в рот по кусочкам и куда-то улетала. Ее путь проследили. И каково же было изумление, когда оказалось, что ворона носила еду щенку, который случайно попал в западню. Собака была совершенно здорова, хотя и находилась в силке уже шесть дней.

В Индийском океане находится небольшой остров Фрегат, который больше заслуживает названия «Кошачий остров», так как коты и кошки являются единственными его жителями.

Один английский путешественник, который посетил этот остров, утверждает, что во время своего кратковременного пребывания он видел не менее 10 тысяч котов. Днем они прячутся в норах и выходят из них лишь ночью, чтобы во время отлива половить рыбу. Делают они это с небывалым умением и ловкостью. Иногда они вплавь отправляются за рыбой далеко в море. Они умеют не только прекрасно плавать, но и нырять.

Предполагают, что первые коты попали на остров при гибели какого-то корабля много лет тому назад.

ЩЕГЛИНОЕ СЧАСТЬЕ

«Клетка — тюрьма для птиц!» Так говорят иногда люди, обычно никогда не державшие птиц в неволе и не очень их знающие. А птица в неволе нередко становится веселым маленьким товарищем, порой почти таким же другом, как собака. И веселой и радостной может быть птица только тогда, когда чувствует себя в неволе совсем «как дома». Если ручную птицу выпускают из клетки полетать по комнате (а то и на воле), она, испугавшись чего-то, бросается в клетку, домой, где чувствует себя в безопасности и уж, конечно, прилетает в нее на ночь.

Щеглы не очень быстро ручнеют по сравнению, например, с чижами. Но вот история одного щегленка, несколько лет прожившего в неволе.

Клетка с щеглом висела на балконе, выходившем в сад. Ретивый певец песней привлек весной подругу. Она боязливо садилась на соседнее дерево, но к клетке не приближалась. Когда заметили волнение щегла, распахнули дверцу клетки в надежде, что щегол улетит и, может быть, загнездится где-нибудь в саду. Певец вылетел, но от клетки не хотел удаляться. Присядет на ветку дерева, пропоет свою песню подружке и снова возвращается домой. Сколько стараний приложил щегол, чтобы показать самочке, как прекрасна жизнь в клетке: влетал в нее, вертелся на жердочках, перебирал семена конопли. Ничто не помогало! Самочка и близко не подлетала к клетке. Пришлось щеглу таскать семена конопли ей на волю, и она их охотно принимала.

Место для гнезда птица выбрала на ветке дуба у самого балкона, ближе к клетке его расположить было уже негде. С этим самочка смирилась. Она настороженно насиживала яички и слушала песни щегла, которые тот распевал, иногда даже сидя в клетке. Когда вывелись птенцы, наш домосед стал отлично разыскивать для них гусениц в саду, но время от времени залетал домой, чтобы поклевать конопли. Делал он это быстро-быстро и снова возвращался к своим родительским обязанностям.

Так и жили эти две птички, дикая и ручная, не понятые друг другом, каждая своей жизнью, своими интересами, что, впрочем, не помешало им успешно выкормить пятерых малышей.

К. Благосклонов,
кандидат биологических наук

КОЛЮЧКА

В дремучих лесах бассейна реки Амазонки и в предгорных массивах Мексики обитает цепкохвостый дикобраз. Этого диковинного зверька местные жители вполне заслуженно назвали «колючка». Все его туловище вместе с большей частью хвоста покрыто острыми шипами, желтоватыми у основания и темно-коричневыми на верхушке.

Зверек всю свою жизнь проводит на дереве. Днем спит, скрываясь в густой листве, крепко обхватив ветвь длинным сильным хвостом. Ночью он странствует в поисках пищи, которая состоит исключительно из коры, листьев и плодов деревьев. Лазать по деревьям ему помогают длинные загнутые когти, особые бородавки-присоски, густо покрывающие стопы зверя, да длинный крепкий хвост.

Несмотря на свой довольно грозный вид, колючка никому не причиняет зла. Очень часто его сопровождают маленькие детеныши, тоже колючие, но их ярко-желтые шипы еще мягкие.

Когда колючка съежится и ощетинится, ни один хищный зверек не сможет до него дотронуться. Вонзившиеся шипы, верхушки которых покрыты острыми зазубринами, вызывают мучительную боль. Однако чаще всего дело не доходит до прямых столкновений, так как обеспокоенный зверек в случае опасности скрывается на верхушке дерева в гуще листвы.

Дети индейцев любят этих кротких зверей, которые не боятся людей и быстро к ним привыкают. Почти в каждой индейской деревне имеется маленький «зоопарк», где дети содержат много разных маленьких зверей, среди которых можно встретить и колючек.

опугаи водятся во всех частях света, кроме Европы. Их известно около 350 видов. Они очень разнообразны и по размеру, и по окраске, и по внешнему виду.

В Европу попугаев впервые завезли из Азии воины Александра Македонского.

Признанные говоруны — попугаи жако, некоторые виды амазонов и частично лори. А самые веселые, легко поддающиеся дрессировке — какаду.

К сожалению, крупные попугаи трудно размножаются в неволе, поэтому дома обычно держат мелких попугаев, больше всего волнистых.

Содержать волнистых попугайчиков совсем не трудно. Если вы купите эту птицу молодой, она быстро сделается ручной и будет сидеть у вас на пальце. Не каждого волнистого попугайчика удается научить говорить; но если вы начнете обучать его с самого раннего возраста, то вполне возможно, что вам удастся научить своего попугая произносить несколько фраз.

Если вы хотите иметь говорящего попугайчика, нельзя держать в доме больше одной птицы, иначе они будут поднимать гвалт, и ни одна из них не научится говорить.

Если у вас есть возможность выпускать своего попугайчика ежедневно полетать часа два-четыре по комнате, то ему не нужна большая клетка. Но какая бы эта клетка ни была, никогда не ставьте ее около форточки, на сквозняке. Нельзя ставить клетку и между отопительными батареями и дверью. Волнистые попугайчики — птицы не очень нежные, но они плохо переносят сквозняки. Холод им не страшен. Нередко этих птиц круглый год содержат на улице.

Обычная пища волнистых попугайчиков — просо, пшено, канареечное семя, овсянка, конопля. Ежедневно в обязательном порядке следует давать им мокрицу, салат, листочки одуванчика, капустные листья, молодые древесные веточки. Всякая зелень полезна для попугайчиков, кроме петрушки. Она — яд для них. В зимнее время два раза в неделю в птичий корм следует добавлять несколько капель рыбьего жира.

Необыкновенно ярок наряд этих попугаев.

Борис Воробьев

ОБИДА

Беркут умирал.

Уже не в силах подобрать и сложить крылья, он неподвижно сидел в углу клетки, вобрав в плечи облысевшую и оттого ставшую безобразной голову, закрыв глаза, всем своим видом напоминая меднокрылую мифическую гарпию.

Зейнулла на цыпочках подходил к загородке и садился перед орлом на корточки. Тихонько звал:

— Кый-ту...

Беркут на мгновение приподнимал веки и смотрел на хозяина. Но это были уже не те глаза и не тот полный царственного величия взгляд, которым когда-то орел мог не мигая смотреть на солнце, — это были глаза и взгляд старика, прожившего долгую и трудную жизнь.

— Кый-ту! — повторял Зейнулла и, поджав под себя ноги, садился рядом с клетью на кошму. Прикрыв единственный глаз, размеренно покачиваясь взад и вперед, Зейнулла и сам в эти минуты был похож на старую большую птицу.

Они были под стать друг другу, человек и орел, оба старые, умудренные, натерпевшиеся от жизни и один от другого. И вот один из них умирал, а другой был не в силах помочь ему, ибо старость неизлечима. Даже Зейнулла не знал, сколько прожил на свете его крылатый побратим. Вместе ж они прожили двенадцать долгих лет.

В ту далекую весну у Зейнуллы вот так же умер его ловчий беркут, и, схоронив птицу, он принялся плести из конского волоса сетку. Однажды утром, захватив с собой ягненка, Зейнулла оседлал лошадь и отправился в горы. Там он привязал ягненка, закрепил кольями сетку и спрятался среди камней. Ягненок щипал траву, а Зейнулла сидел в укрытии и думал, что хорошо бы поймать молодого беркута — такой и проживет больше и быстрей привяжется к хозяину.

Но, видимо, день тогда выдался несчастливый — беркут так и не прилетел. И потом еще три дня ездил Зейнулла в горы и просиживал там до ночи, но каждый раз ему приходилось возвращаться назад с пустыми руками.

На пятый день, когда солнце стояло уже высоко, Зейнулла увидел орла. По широкой спирали птица спускалась к земле. Потом сложила крылья и, выставив перед собой крючья лап, бросилась вниз. С быстротой молнии мелькнула по земле черная тень. Жалобно заблеял почуявший смерть ягненок, и в тот же момент беркут обрушился на него и забился в сетке, сотрясая удерживавшие ее колья.

Зейнулла поспешил к ловушке, на бегу разворачивая кошму. Увидев человека, орел раскрыл клюв и угрожающе зашипел и защелкал. Потом рванулся, но сетка крепко держала его. Круглые желтые глаза орла горели холодным бешенством, а огромные черные когти в исступлении терзали безжизненное тело ягненка.

Это был старый беркут, весь золотисто-бурый, с полосатыми метровыми крыльями, но Зейнулла уже забыл, что хотел заполучить молодого, и радовался, как ребенок.

Теперь нужно было связать орла и погрузить птицу на лошадь. Едва Зейнулла приблизился к птице, как она, словно палкой, ударила его по руке свободным крылом и выбила кошму. Стараясь держаться подальше от крыла, а главное — от страшных лап и клюва, Зейнулла повторил попытку. Ему почти удалось накрыть беркута кошмой, но в последний момент он сам запутался в ячеях сетки и упал. Совсем близко от лица Зейнулла увидел синевато-серый, с черным концом клюв беркута. Охотник успел закрыть лицо руками.

Зейнулла отчаянно рванулся. Ячея с треском лопнула, и охотник быстро откатился от орла на безопасное расстояние. Потом замотал руку цветным кушаком и палкой подтянул к себе кошму. Со следующей попытки ему удалось накинуть кошму на беркута. Навалившись на него всем телом, Зейнулла наконец-то связал орла.

Первые дни Зейнулла не давал беркуту ни есть, ни пить, ни спать. Это нужно было для того, чтобы смирить орла, заставить признавать хозяина и в конце концов брать у него пищу из рук. Сутки напролет просиживал Зейнулла у клетки своего нового пленника, следя за тем, чтобы тот ни на минуту не сомкнул глаз. Когда же охотник чувствовал, что вот-вот сам не выдержит и уснет, он обливал беркута водой, и, пока тот отряхивался и чистил перья, Зейнулла ненадолго засыпал прямо перед клетью.

Старик знал, что без пищи орлы могут обходиться долго. А вот пить и спать они должны каждый день, и верил, что скоро беркут уже не будет шипеть и щелкать, завидя хозяина у клети. Однако проходил день за днем, а беркут не думал смиряться. Забившись в угол, он устрашающе вращал глазами и бросался на Зейнуллу при каждой его попытке приблизиться к клети.

«Это старый беркут, — думал Зейнулла. — Это хитрый беркут, но я все равно перехитрю его».

И он ждал, терпеливо снося все орлиные выходки.

Наконец беркут вроде бы сдался: когда на седьмой или восьмой день Зейнулла сунул ему в клетку блюдо с водой, орел не бросился, как раньше, на человека, а стал пить. Пил он долго, как лошадь, и все это время Зейнулла тихо и ласково разговаривал с ним и ворошил прутиком орлиные перья.

«Это старый и хитрый беркут, но я перехитрил его», — радовался старик.

Теперь надо было попробовать накормить орла.

Зейнулла принес нарезанное ломтями сырое мясо и кинул кусок беркуту. Неуклюже переваливаясь, орел подбежал к мясу и в мгновенье ока проглотил его. Зейнулла кинул еще кусок, а третий протянул в руке — беркут должен брать пищу из рук

хозяина. Так было всегда. Но в этот раз Зейнулла просчитался. Только-только он протянул руку, орел кинулся, и запястье Зейнуллы, как наручники, стиснули огромные твердые когти птицы. Зейнулла изо всех сил рванулся назад и, раздирая в кровь кожу, высвободил руку.

— У-у, шайтан! — в гневе выругался Зейнулла и, не сдержавшись, хлестнул беркута камчой, всегда висевшей у пояса.

Он тут же раскаялся в совершенном, потому что, если хочешь стать беркутчи, закрой свое сердце от всех слабостей, но дело было сделано.

Страшно сверкнули орлиные глаза, и Зейнулла понял: никогда не простит ему беркут обиды.

Вопреки опасениям, удар камчой как будто пришелся беркуту по вкусу: он присмирел, и через несколько дней Зейнулла уже кормил его с рук.

Дивился Зейнулла: ни разу не случалось такого на его веку, и он не знал, что подумать. Чувствовал: коварствует орел, ждет подходящего случая, и стал вдвойне осторожен и ласков с птицей. Однако орел ничем не выдавал своих намерений, и Зейнулла, успокоившись, стал готовить питомца к предназначаемым свершениям.

Для начала он стал приучать орла терпимо относиться к колпачку, которым ловчим беркутам до поры до времени прикрывают на охоте глаза. Нельзя сказать, чтобы орел с удовольствием воспринял нововведение, но в то же время не стал устраивать и сцен. Такая покладистость орла опять насторожила Зейнуллу, разбудила дремлющие в душе сомнения, и он еще раз дал себе слово, что будет следить за каждым движением коварной птицы.

Так же терпимо перенес орел и следующий этап обучения, когда Зейнулла, посадив беркута на руку, обтянутую кожаной рукавицей, приучал птицу с закрытыми колпачком глазами сохранять равновесие. Затем настала очередь испробовать орла на чучелах. Зейнулла долго тренировал его, и беркут ни разу не дал усомниться в своих способностях или нежелании продлить обучение: он послушно следовал сигналу, бросался на чучела лисиц и волков и держал их, издавая победный клекот.

Наконец настал тот день, когда Зейнулла с беркутом выехали на настоящую охоту.

Нахохлившись, беркут уже привычно сидел на руке, покачиваясь в такт движению лошади. Собаки подвывали от нетерпения, и Зейнулла пустил их. Перегоняя друг друга, они с лаем рассыпались по сторонам и скоро подняли лису.

Пора! Отстегнув цепочку, удерживавшую беркута, Зейнулла сорвал с его глаз колпачок.

— Айт! — скомандовал Зейнулла.

Словно только и дожидаясь желанного мига, беркут круто набрал высоту и, заметив лису, пустился в погоню. На бреющем полете он догнал мелькавшее в траве красное тело и кинулся на него. Когда Зейнулла подоспел к месту схватки, орел уже прикончил лису и смотрел на хозяина победным, сверкающим взором, сдерживая рвущийся из груди клекот.

Зейнулла достал из торбы заранее припасенный кусок мяса и, сунув его орлу, отобрал у него добычу. И еще двух лис взяли они в тот день, и беркут вел себя так послушно, что окончательно рассеял подозрения Зейнуллы.

«Это очень хитрый беркут, но я перехитрил его», — думал старый беркутчи.

Недолго довелось ему тешиться этой мыслью: на следующей же охоте беркут жестоко отомстил за нанесенную когда-то обиду.

Тот день начался, как всегда. С утра Зейнулла накормил беркута, но есть вдоволь не дал — с набитым зобом орлы неохотно идут на дичь. Оседлав лошадь, Зейнулла усадил беркута на рукавицу, кликнул собак, и они выехали.

Лето было в разгаре, и степь уже не радовала глаз свежестью зелени. Лишь корявые саксаулы привычно чувствовали себя на покрытой трещинами земле, да свистели неунывающие суслики. Призрачные марева дрожали и пропадали при приближении, а на горизонте холодели белые горы.

Уже вблизи их собаки подняли волка. Видно, только что насытившийся зверь уходил тяжелым махом, но Зейнулла понимал: если дать ему возможность добраться до гор, ищи тогда ветра в поле — уйдет серый.

— Айт! — крикнул охотник и сорвал колпачок.

Какое-то мгновенье, точно ослепленный знойным степным солнцем, орел сидел на руке, потом свечой взмыл в небо и камнем пал оттуда на человека...

Правый глаз у Зейнуллы вытек, а на лице навсегда остались глубокие неровные борозды от орлиных когтей. Охотиться Зейнулла перестал: где уж было с одним глазом ловить и приручать нового беркута! А старого больше не было в клети; отомстив, он улетел и, быть может, паря в вышине, не раз видел своими дальнозоркими глазами одинокого старика, сидевшего на пороге знакомого дома.

Рис. В. Константинова

Но постепенно Зейнулла стал как бы заново приобщаться к любимому ремеслу. Правда, без орла оно приносило лишь половину радости. Зейнулла стал ловить волков и лис капканами.

Часто, расставляя или проверяя капканы, он видел высоко в небе черные точки высматривающих добычу орлов. Иногда кто-нибудь из них бросался в пике, и там, на земле, завершался последний акт извечной трагедии. Забыв о капканах, Зейнулла подолгу следил из-под руки за орлами, и часто ему казалось, что он отличает одного из них.

Минула зима, отцвели весенние маки и тюльпаны. Опять растрескалась обожженная солнцем земля. Зейнулла, отправившийся однажды осматривать капканы, не подозревал, какое тяжкое испытание ждет его в этот день.

Накануне старик плохо спал — болели старые раны. Разморившись от жары, он бросил поводья и, как в зыбке, покачиваясь в седле, дремал. Что испугало лошадь — мелькнувшая ли в траве тень, змея ли под копытом, об этом Зейнулла так и не узнал, но внезапно лошадь захрапела, вскинула задом и понесла. Зейнулла, как камень из пращи, вылетел из седла, ударился о землю и угасающим сознанием еще успел уловить бешеный цокот удаляющейся наметом лошади.

Когда он пришел в себя, солнце по-прежнему высоко стояло в небе. В голове звенело, и Зейнулла никак не мог понять, что это — звон ли полуденных цикад или пересвист сусликов. Он приподнялся и посмотрел по сторонам. Лошади нигде не было — наверное, она ускакала домой. Зейнулла попробовал встать, но охнул и повалился обратно на землю: одна нога, как видно, была сломана. Зейнулла достал нож, разрезал сапог и осмотрел ногу. Она посинела, и у щиколотки Зейнулла нащупал место перелома — шишковатый, твердый выступ.

Зейнулла попытался передвигаться ползком, но скоро выдохся. К тому же в траве была масса колючек, и руки начали кровоточить. Солнце палило вовсю, и Зейнуллу начала мучить жажда. Чтобы как-то заглушить ее, он жевал траву, но сок был горьким и еще сильнее вязал во рту. Временами сознание мутилось, и Зейнулла впадал в забытье, а очнувшись, опять видел над собой раскаленный солнечный шар. Душная ночь опустилась над степью.

Вконец обессиленный, Зейнулла затих, затаился в траве. Но покой оказался обманчивым: где-то невдалеке тявкнул шакал, ему отозвался второй, и постепенно вся степь наполнилась тявканьем и завыванием. Зейнулла услыхал, как шуршит окружавшая его со всех сторон трава, различил стелющиеся к земле суетливые тени. Шакалы смыкали круг. Эти трусливые хищники, промышлявшие в основном между чужими столами, и сейчас оставались верны себе, надеясь поживиться легкой добычей.

Зейнулла знал: если звери накинутся на него скопом, ему не отбиться от них — многих ли убьешь ножом? К счастью, он вспомнил о спичках. Нарвав вокруг себя жухлой травы и колючек, он с превеликим трудом поджег кучу. Она долго не занималась, чадила, но в конце концов старику удалось развести некое подобие костра. Слабые, дрожащие язычки едва светили, но даже этого оказалось достаточным, чтобы держать на почтительном расстоянии уже порядком обнаглевших шакалов.

Опасность пришла с той стороны, откуда Зейнулла не ждал ее: его неудержимо клонило в сон, а огонь требовал неотрывного наблюдения. Чтобы обезопасить себя и с этой стороны, Зейнулла прибег к жестокому, но необходимому сейчас способу

избавиться от сонливости: он рукояткой воткнул нож в землю, и каждый раз, чуть только Зейнулла начинал клевать носом, острие ножа больно кололо его в подбородок. Зейнулла приходил в себя и подбрасывал в костер траву.

А ночь все тянулась, тянулась, дрожа и мигая звездами. Иногда звезды падали, и тогда черноту неба прорезывал ослепительный, замирающий у земли след. Нож все чаще подпирал подбородок, и к утру лицо Зейнуллы распухло, словно искусанное пчелами.

Утром шакалы ушли, растворились в рассветной дымке, но к полудню вернулись снова, и Зейнулла видел мелькавшие тут и там их остроухие злые морды. Опять началась пытка солнцем и жаждой, а шакалы, не видя перед собой пугающего ночью огня, осмелели вконец и перебегали с места на место чуть ли не на расстоянии вытянутой руки. Зейнулла сжал нож.

Внезапно послышался свистящий звук рассекаемого телом воздуха: шакалы бросились врассыпную, но их настиг тяжелый, отливающий медью ком и ударил в самую середину. Отчаянный, предсмертный визг одного из шакалов слился с торжествующим, хриплым клекотом. Вцепившись одной лапой в глаза, а другой в спину шакала, орел крутил и ломал его, нахлестывая с боков гигантскими крыльями.

Что-то блеснуло под солнцем на лапе орла. Зейнулла напряг зрение и увидел, что лапу беркута, как серебристая змейка, обвивала тонкая самодельная цепочка. Зейнулла так разволновался, что, не обращая внимания на боль в ноге, привстал и позвал спекшимися, растрескавшимися губами:

— Кый-ту!..

Орел неловко спрыгнул с тела шакала и, волоча по земле крылья, вперевалку пошел на зов. Иногда трава скрывала от глаз орла человека, и тогда он останавливался и вытягивал шею, будто становился на цыпочки.

Зейнулла не знал, что сулит ему эта нежданная встреча и на всякий случай приготовился к худшему. Трава, раздвигаемая орлом, шуршала все слышней, и, наконец, беркут появился из нее — огромный и страшный, как доисторический птеродактиль. Взгляды человека и птицы встретились, и человек не прочел в глазах орла ни хорошего, ни плохого. Они горели ровным желтым огнем, и Зейнулле показалось, что беркут не видит его.

— Кый-ту... — еще раз повторил он.

Будто припоминая что-то, беркут наклонил набок голову и уже с интересом уставился на Зейнуллу. И вдруг распустил крылья, широко раскрыл клюв и смешно затоптался перед охотником — совсем как в старые времена, когда, бывало, требовал мяса.

«Это очень умный беркут, — думал Зейнулла, размазывая текшие по щекам слезы. — А я старый, никуда негодный...»

Собрав все силы, Зейнулла пополз к тому месту, где лежал околевший шакал, и беркут следовал за ним, по-прежнему раскрывая клюв и показывая красный остроконечный язык.

Зейнулла ободрал шакала и накормил беркута. Насытившийся беркут долго чистил и расправлял перья, а потом сорвался и полетел к горам. Зейнулла проводил его тоскливым взглядом и впал в полуобморок-полусон.

На этот раз он очнулся уже ночью. Первой его мыслью была мысль о шакалах. Шакалы явиться не замедлили. Теперь их привлекал еще и запах мертвого собрата, и они, постепенно наглея, как и в первую ночь, смыкали круг. Но едва первые из них приблизились к останкам, в темноте туго ударили крылья, и из травы навстречу шакалам выпрыгнула сгорбленная, мрачная фигура беркута. Не ожидавшие отпора, шакалы пустились наутек, а беркут, как Соловей-разбойник, посвистав и пощелкав им вслед для острастки, завернулся, как в бурку, в крылья и застыл. Теперь Зейнулла мог быть спокоен: пока этот крылатый страж находился на посту, ему не страшны были никакие шакалы. Уже не думая ни о чем, старик натянул на голову чапан и уснул, как убитый.

Если бы он мог что-нибудь чувствовать в это время, он бы увидел, как опять вернулись шакалы и как опять ринулся им навстречу недремлющий беркут. И всю ночь в степи раздавались тугие удары крыльев, яростное орлиное щелканье и бессильный визг шакалов. Потом до сознания старика донесся лай собак, лошадиный топот, людские голоса. Его подняли и понесли; и, когда временами он открывал глаза, то видел в небе планирующую в потоках воздуха птицу. И перья птицы в лучах солнца червонели и переливались золотом...

С того дня человек и беркут были неразлучны. Они не вспоминали старых обид, ибо те были искуплены дорогой ценой, и помнили добро, ибо в их жизни его было не так уж и много. Каждый занимался своим делом, не мешая друг другу: беркут с утра улетал, а старик плел сетки и чинил капканы. Вечером, когда прилетал орел, они садились у порога и подолгу смотрели на горы, потому что для одного они были родиной, а другой отдал им лучшие годы своей жизни. Кто знает, что заставило орла покинуть недоступные снежные пики и возвратиться к дымному человеческому очагу, — подступавшая ли старость, гонение ли ближних или какие другие, неведомые ему самому причины?..

И вот теперь беркут умирал.

Много смертей видел на своем веку Зейнулла и сам без трепета ждал уготованного всему живому срока, но сейчас был глубоко опечален. Умирал его единственный близкий, и Зейнулла ничем не мог помочь ему, ибо старость неизлечима.

Ночью старика кольнуло в сердце. Он встал, засветил огонь, подошел к клети. Беркут лежал, распластав огромные крылья.

— Кый-ту, — с надеждой позвал Зейнулла.

Орел не отозвался. Зейнулла вошел в клеть и потрогал тело птицы. Тепло уже уходило из него. Зейнулла с трудом вытащил беркута из клети, завернул его в кошму и пошел седлать лошадь.

Он повез мертвого друга в горы. В темноте Зейнулла вырыл могилу и осторожно опустил в нее тело беркута. Потом зарыл яму, заровнял ее и закидал сверху камнями.

Так когда-то хоронили самых близких родственников его далекие пращуры.

Этого орла, так удобно устроившегося на плече Володи Дикарева, зовут Карай. Желторотым, беспомощным птенцом принесли его ребята из тайги в село Сосновая Курья. Уже тогда, на второй неделе своей жизни, орленок был величиной с добрую курицу. Конечно, вначале дичился, отчаянно пищал, как только брали его в руки. Но свежая рыба, полевые мыши и прочие лакомства, которые в изобилии поставляла к его столу сельская детвора, сделали свое дело. Орленок стал ручным.

Особенно привязался он к Володе Дикареву. Когти у малыша такие острые, что не раз после занятий с птенцом Володя бегал в аптечку за йодом. А когда Карай подрос, пришлось юному дрессировщику обзавестись ватной фуфайкой, иначе не осталось бы на его плечах живого места.

Забраться на плечо к своему другу для Карая великое удовольствие. Устроится поудобнее и сидит. Надоест бездельничать — примется щипать волосы на Володиной голове или теребить ухо.

Давно научился Карай летать. Да что-то у него нет желания покидать лесной поселок и своих юных друзей. Конечно, царю пернатых вроде бы и зазорно проводить свое время в компании озорных мальчишек, но он, очевидно, считает свое существование с деревенской ребятней выгодным для себя: без гостинцев мальчишки не заглядывают к Караю.

А когда ребята уходят в лес или на рыбалку, орел принимает на себя обязанности огородного сторожа: садится на высокий шест и зорко охраняет хозяйские грядки от посягательств грызунов и различной пернатой мелюзги.

В. Пашин
Фото автора

Пермская область

Друзья мои! Дорогие друзья, Почемучки! Внимание, внимание!

Сегодня я имею честь открыть последнее, весьма важное и торжественное заседание нашего Клуба самых любопытных и любознательных. Уверен, на сегодняшнем заседании присутствуют 3796 человек и ни одним меньше[1]. Целый год я получал от вас письма. И, несмотря на то, что я никого из вас никогда не видел в лицо, я успел узнать вас и подружиться с вами.

Однако в сторону грустные размышления и ближе к делу. Наше уважаемое жюри поручило мне объявить имена победителей. Прежде чем я это сделаю, я позволю себе выразить благодарность всем, абсолютно всем, кто прислал нам письма и, стало быть, участвовал в работе нашего Клуба. Приятно, что приходили письма сразу от целых кружков юных натуралистов и путешественников.

Я весьма сочувствую нашему жюри, которому пришлось отобрать из такого огромного количества самые лучшие донесения. Члены жюри готовы были наградить всех, напечатать сегодня все письма, но увы, этого не могу сделать даже я, барон Мюнхгаузен.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

ФОТОАППАРАТАМИ И ЦЕННЫМИ ПОДАРКАМИ НАГРАЖДАЮТСЯ:

Кученева Саша (Калининград), кружок юннатов Ново-Булгаринской школы Астраханской области, Агафонов Миша (г. Киев), Невзорова Лариса (г. Петрозаводск), кружок юннатов школы № 17 (г. Иркутск), Гутенко Игорь (г. Алма-Ата), Теплова Люда (г. Севастополь), Петрова Лариса (г. Пенза).

Егоренков Виктор (г. Смоленск), Мальченко Виталий (г. Харьков), Белавина Наташа (Москва), Желтухина Таня (Москва), Ковинько Светлана (база КНИИЖ Алма-Атинской области), Бойков Валерий (г. Камышин), Петров Валериан (с. Кукшумы Чувашской АССР), Ермоленко Зина (пос. М. Коцюбинск Черниговской обл.), Паранич Анатолий (пос. Сахновщина Харьковской обл.), Боговик Вера (Новгород), Гармаза Геннадий (д. Старинки Минской обл.), Самсонов Валерий (д. П. Чернец Новгородской обл.), Зиборов Владимир (г. Орел), Сухоруков Валерий (г. Орел), Кожевников Юра (г. Ростов-на-Дону), Кузьменюк Борис (село Б. Боровица Хмельницкой обл.), Рокитский Владимир (г. Фастов), Постовой Саша (г. Кишинев), Романова Татьяна (ст. Линда Горьковской обл.), Бородин Владимир (село Доброе Липецкой обл.) **ПОЛУЧАТ ПАМЯТНЫЕ ПОДАРКИ.**

Денник Борис (г. Выборг, Ленинградской обл.), кружок юных следопытов (школа № 25, г. Н. Тагил), Козлов Леонид (пос. Чернухино Луганской обл.), Богданов Саша (Ленинград), Котенкова Лена (Москва), Воливок Володя и Сережа (г. Новомосковск Тульской обл.), Сергеев Юрий (г. Подольск Московской обл.), Ростовская Марина (г. Ахтубинск Астраханской обл.), Кузнецова Таня (г. Новосибирск), Новичков Игорь (Дальнее Константиново Горьковской обл.) **БУДУТ ПРЕМИРОВАНЫ КНИГАМИ С АВТОГРАФОМ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА.**

[1] Барон Мюнхгаузен имеет в виду всех, кто участвовал в работе Клуба Почемучек и присылал ответы на его вопросы.

Теперь слово нашим победителям. Все они весь год присылали письма с большим вопросительным знаком на конверте. И, понятно, мы могли напечатать только коротенькие заметки, да и то не всех.

НОВЫЙ АДРЕС ВАСИЛЬКА И РОМАШКИ

Меня и моих подруг очень заинтересовала пересадка степных цветов на свои клумбы. Лично у меня уже пересажено 11 видов. Их листья и цветы я высылаю вам. Переселяю цветы очень осторожно. Чтобы не повредить корни, выкапываю цветы вместе с комом земли. Но все равно при пересадке они болеют, особенно в жару. Тогда я вокруг цветов вбиваю колышки и натягиваю колпак из белой ткани. Это хорошо действует на растение. В день поливаю два раза: утром, часов в семь, вечером, часов в девять. Некоторые кустики стали приживаться. В следующий раз я подробнее расскажу о том, какие виды растений приживаются хорошо, а какие совсем не принимаются. Летом я собираю семена понравившихся мне полевых цветов, чтобы на следующую весну посеять их. Возможно, что так будет легче развести полевые цветы у себя дома.

Светлана Ковинько

Алма-Атинская область

СОЛОНКА ДЛЯ ЛОСЯ

Сейчас в нашем маленьком лесу еще лежит снег. Но мы уже готовимся к весне. В лесу в нескольких местах мы положили большие куски соли, так как к нам откуда-то весной приходят лоси, а в середине лета уходят куда-то. Каждую весну мы вешаем в лесу скворечники, синичники, гнезда-ящики для трясогузок, мухоловок, дятлов, сов и других птиц. В родном селе вывесили много скворечников. А когда весь снег растает, в лесу поставим поилки для птиц, лосей, лис и зайцев.

Валериан Петров

с. Кукшумы Чувашской АССР

ЛОХМАТЫЙ МОЙ ПОДАРОК

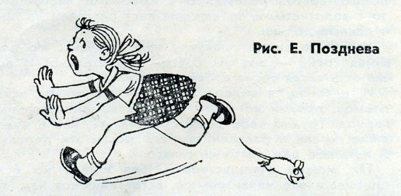

Рис. Е. Позднева

Я очень люблю природу. И часто рассказываю малышам во дворе, какие насекомые полезны, какие вредны, как выходить больную птицу, чем кормить черепаху. И мне кажется, что те, кто делает страшные глаза при виде червяка или визжит, увидев крошечного мышонка, и прыгает на стол, просто странные люди.

Понимать и любить природу меня учат книги: «Жизнь насекомых» Ж. А. Фабра, «Маленький атлас бабочек» Я. Тыкача, рассказы и книги Виталия Бианки, «Рассказы о животных» Сетон-Томпсона, «Золотой сайгак» М. Зверева и много других хороших и добрых книг.

Много лет я мечтала о собаке. Учебный год я закончила с грамотой — и вот сидит передо мной подарок: мой живой черный пес. Его зовут Цезарь.

Хорошо, когда мечты сбываются!

Вера Боговик

Новгород

А УДИВИТЕЛЬНОЕ И ПРАВДА РЯДОМ...

Если совершить путешествие по городам и селам Калининградской области, то его вполне можно назвать «Удивительное рядом». Я часто бывала в Светлогорске и Отрадном, ездила с мамой в экспедицию, и везде удивительное было рядом с нами.

Декабрь. Земля покрыта снежным ковром. Кажется, все оцепенело в зимнем сне. И вот оно, удивительное, — на снежном сверкающем фоне гибкая веточка, усаженная нежными цветочками. Это волшебный орех. Недаром люди зовут его так. Цвести зимой, в холод и мороз, может не каждое растение. Родина его — Северная Америка. Но чувствует он у нас себя преотлично. Рядом с тремя небольшими орешками вы заметите бутоны, которые к началу зимы распустятся. Обычно орех цветет в октябре — ноябре, но часто цветение продолжается до декабря. Растет это волшебство в поселке Отрадном.

У тех ребят, которые живут в поселке Ладушкино, другое чудо — старый-престарый, наверное тысячелетний, дуб. Ствол у него такой толстый, что семь человек, взявшись за руки, едва обхватывают его. Другой дуб-гигант удивляет ребят Замковской школы. Ветви дерева образуют громадный зонт диаметром в 30 метров.

Мы привыкли видеть дуб кряжистым, с узловатыми ветками, распростертыми над землей. Но есть совсем другой дуб: тонкие прямые ветви, плотно прилегающие к стволу, тянутся к солнышку, образуя стройную зеленую пирамиду. И клены у нас бывают совсем разные: то с красными листочками, то с золотистыми, то каждый лист рассечен на причудливые дольки.

Мы часто видим плакучие ивы, березы... Но плакучая сосна — это уж совсем удивительно! И все же есть такая сосна в Светлогорске.

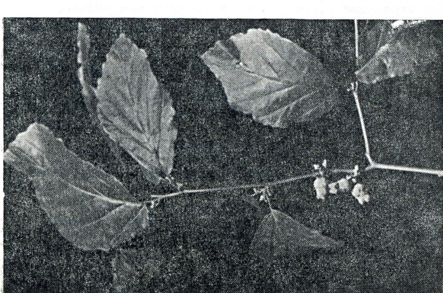
И наконец, я видела гинкго — это живое ископаемое, предки которого росли в каменноугольный период. Трудно себе даже представить, какие чудовища летали и ползали там, где росли эти деревья. Я посылаю вам листочки гинкго.

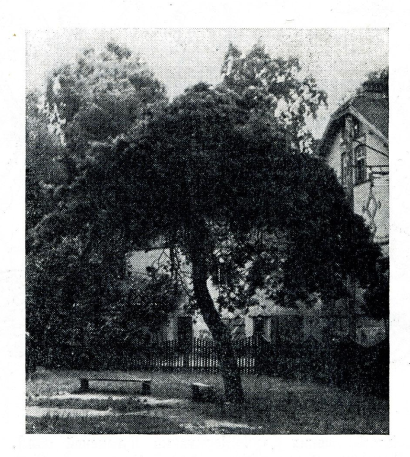
Так можно путешествовать без конца, но если описывать все удивительное, встретившееся нам, то, наверное, получится книга.

Саша Кученева

Калининград

Волшебный орех.

Плакучая сосна.

ХИТРЫЙ ПОДСНЕЖНИК

Пошли мы искать удивительное. Поднялись на склон Беровского бугра. Все разбрелись. И увидели сухую коробочку на длинной ножке. Рядом с ней такая же коробочка с чуть открытыми дверцами. Оттуда виднелись семена. Третья коробочка была совсем открыта и пуста. Что же произошло? Оказывается, подснежник так приспособился сажать свои семена. Стоим и удивляемся, и вдруг слышим тихий скрип. Это открылась первая коробочка. Дунул ветерок, вторая коробочка покачнулась, и из нее посыпались семена. А они такие чудные, как чешуйки.

Юннаты

Ново-Булгаринская восьмилетняя школа Астраханской области

СЛУЧАЙ НА РЕЧКЕ

Раньше, когда мне было лет восемь, я тоже бил камнями жаб и лягушек. Противные они на вид. К тому же все боятся брать их в руки, думают, что будут бородавки. Но как только я стал заниматься в зоологическом кружке, ближе познакомился с земноводными, изменил свое отношение к жабам.

Я живу близко от речки. По берегам всегда полно лягушек. Я наблюдаю, как они охотятся. Один раз смотрю: идут ребята, человек пять. У одного рогатка. Начал он стрелять в лягушек. Тогда я стал рассказывать, какие они полезные, а ребята только смеются в ответ и все бьют из рогатки. Не стерпел я, вырвал рогатку, сломал ее и выкинул. Конечно, возникла драка. Я был побит, но лягушек, хоть немного, а спас.

Виталий Мальченко

г. Харьков

Позволю себе напомнить: в одном из заданий нашего Клуба была просьба рассказать, какой вы устроили Праздник урожая. Из этого письма видно, что был у ребят...

ПИР НА ВЕСЬ МИР

К празднику мы готовились заранее. Он должен состояться на полянке недалеко от деревни. Ребята учили стихи, пьесы, песни, рассказы и загадки. Подготовили артистов и клоунов, похожих на свеклу, тыкву, морковь, огурцы, капусту... Полянку ребята хорошо украсили. Тут рядом стояла золотая рожь, огромные тыквы были окаймлены красивыми желтыми подсолнухами.

На празднике были все ребята. Пригласили родителей, доярок, птичниц и всех передовых колхозников, которые собирали урожай нынешнего года. Мы читали стихи об осени, об урожае, о хороших людях, девочки спели веселые песни, а клоуны, нарядившись «в грибы», рассказывали о себе, где они растут, когда их собирать, какие угощенья можно из них приготовить. Затем ребята устроили веселые игры. Например, «Угадай». Кто-то показывает цветок, а другой должен подобрать стебель, корень и листья этого растения. После устроили конкурс: кто больше разгадает осенних загадок, тот получит большущий арбуз. После всего этого веселья устроили большой обед. Ох, был бы у нас барон Мюнхгаузен, он сразу бы удивился! Сколько фруктов, овощей, булочек!.. А как все это было вкусно!

Потом выступил бригадир колхоза. Он сравнил достижения советского народа по урожаю до революции, после и в наше время — получилась очень большая разница.

Валерий Самсонов

д. П. Чернец
Новгородской области

ЛЕСНОЙ БАЛ

Праздник лесного урожая мы устроили в горах. Выбрали место с яркими цветами. Там начался бал.

Мы пели, плясали. Читали стихи про урожай. Потом провели соревнования в честь урожая по волейболу и футболу. Но не подумайте, что после этого не осталось на поляне цветов. Нет, все осталось так, как и было. Потом мы питались бояркой, но в меру, конечно, косточки закопали в землю, чтобы еще больше было деревьев. Посеяли семена и других трав, цветов и деревьев. Там мы поклялись природе, что будем защищать ее и ее друзей от разных врагов по мере своих сил.

Об этом празднике рассказал Игорь Гутенко из Алма-Аты.

Читая письма Ларисы Невзоровой из Петрозаводска, мы узнали о том, что она каждое воскресенье отправляется с мамой в лес. И сколько же удивительного она видит! И совсем рядом. Но вот что огорчает Ларису...

СЛОМАННАЯ ВЕТКА

Когда мы входили в лес, нам навстречу шли две женщины. Одна несла огромную охапку веток вербы. Ветки были очень красивые. Мне всегда жалко деревья, которые страдают от людей.

А как хорошо, придя в лес, наслаждаться чистым свежим воздухом, отдыхать от города, любоваться всеми чудесами, которые сделала природа. Но вдруг взгляд падает на обрубленную вербу, которая должна сейчас стоять в своем красивом желтом наряде, а она вся погнутая, со сломанными ветками. И уж не кажется все таким красивым, как было прежде. Становится неуютно в лесу. И домой идешь с тяжелым чувством, осуждая таких «любителей природы».

Дорогие Почемучки! Сегодня мы поздравляем победителей и прощаемся. Но ненадолго. Да, да! Я так крепко подружился с вами, что мне нестерпимо было расставаться с вами насовсем. И позвольте мне сделать важное объявление: КЛУБ ПОЧЕМУЧЕК ПРОДОЛЖИТ СВОЮ РАБОТУ. ОЧЕРЕДНОЕ НАШЕ ЗАСЕДАНИЕ В ПЕРВОМ НОМЕРЕ НОВОГО ГОДА.

Я надеюсь встретиться не только с моими старыми знакомыми, но и еще со многими-многими Почемучками.

До встречи, друзья мои!

Еще минуту внимания! Прошу не торопиться и не перевертывать страничку.

Ни одно заседание Клуба не может обойтись без «почему», не правда ли? Итак...

Почему рябина вкусная после мороза?

Что такое кислая шишка?

Бывает ли грустно животным?

ФРОНТОВОЙ ЗАЯЦ

Шел третий год войны. Была середина апреля. Наша часть стояла в трех километрах от передовой линии в смешанном лесу. Землянка, в которой мы жили, находилась недалеко от опушки на небольшой поляне, поросшей редкими соснами и густым еловым чапыжником.

Всю ночь длился огневой налет противника. Линия связи нашей части с передовой во многих местах была нарушена. Как только прекратился вражеский обстрел, мы с товарищем пошли налаживать связь. Мы основательно устали от долгого переползания и перебежек и на обратном пути облегченно вздохнули, добравшись до подлеска, где можно было встать и спокойно идти. Чтобы сократить путь, несколько изменили первоначальный маршрут и пошли через осиновую поросль и ивовый кустарник. Мой товарищ, биолог по образованию и страстный охотник, начал внимательно оглядываться. Вдруг он остановился недалеко от свежей воронки и громко сказал: «Смотри-ка, зайчиха!» — и поднял с земли мертвую серую тушку. Зайчиха была убита осколком снаряда. Подержав немного в руках, он положил ее на небольшой пенек. Немного постояв, мой друг сказал: «Знаешь что, а ведь где-нибудь поблизости должны быть зайчата». Однако, походив вокруг, мы ничего не обнаружили. Но пройдя метров двести, я вдруг чуть не наступил на трепещущийся серенький комочек. «Вот и он!» — сказал мой товарищ. Мы взяли зайчонка на руки. Из его правого уха сочилась кровь. Завернув голову зайчонка в носовой платок, я положил его за пазуху, и мы с живым трофеем вернулись в землянку. Заяц сильно дрожал. Его било точно в лихорадке. В таком состоянии он находился несколько дней. На ночь мы клали его рядом с собой, а днем зайчонок жил в ящике под телефонным аппаратом. Прошло две недели. Зайчонок оправился, перестал дрожать. Ранка затянулась, но ухо так и осталось отвисшим.

Записки натуралиста

Зайчонка полюбили все. Каждый старался что-нибудь ему принести: кто свежей озими, кто осиновых молодых веток и даже, наконец, корней лопуха взамен моркови.

Однако никто не видел, как он ел. Прожив месяц в землянке, зайчонок оставался диким и пугливым. И только на ночь позволял мне или товарищу класть себя рядом с собой. Привлекало ли его тепло человеческого тела или запах пропитанной потом гимнастерки напоминал ему запах матери, только спал он, уткнувшись мордочкой под мышку. Но стоило погладить или прикоснуться к нему, как он начинал метаться.

Подходил конец мая. Начиналось предлетье. По общему согласию зайчонка решили перевести на «дачу». Под небольшой сосной рядом с землянкой соорудили из старой металлической сетки клетку. Заяц по-прежнему был дик и труслив. Стоило кому-нибудь попытаться погладить его, как он начинал метаться и биться головой о сетку.

— Зверина лесная, — говорили товарищи. — Сколько ни корми ее, все в лес смотрит.

— Я много слышал о ручных зайцах, — сказал мой биолог, — но приручить их, видно, задача нелегкая. Смотри, подобрали мы зайчонка малышом, среди людей жил, а остался дичь-дичью!

Только однажды, когда я принес ему корм и долго сидел у его клетки, он привстал и вдруг косо-косо, как-то одним глазом, внимательно посмотрел на меня.

В середине июня после очередного артобстрела осколком снаряда снесло верхнюю крышку клетки. Заяц исчез. Очевидно, почувствовав волю, он выпрыгнул из своей «дачи» и скрылся в лесу.

В конце июня нашу часть перебросили на другой участок фронта, и мы покинули свою лесную землянку. В боях быстро пролетело лето. Враг был далеко отброшен. Бои шли уже за Смоленском. В конце октября нас с товарищем послали в командировку за новой техникой в район старой стоянки. Кругом было все сожжено и разрушено. Поискав безрезультатно ночлег, мы решили проведать нашу старую землянку и, возможно, там переночевать. Придя на место, увидели, что над нашей землянкой поднимается дым: она была забита беженцами. Решили переночевать на воле.

Ночь обещала быть теплой. Мы нарубили лапнику, покрыли его сверху сухим папоротником, постелили плащ-палатки, положили вещевые мешки под голову и, накрывшись шинелями, хотели уснуть. Вдруг к нам подошел мальчик лет семи-восьми и шепотом сказал: «Дяденька, идите ночевать в землянку. Здесь нельзя на воле спать!» — «Почему же?» — спросили мы. «Потому что ночью здесь душа убитого солдата ходит!» — «Ну и какая же она?» — спросил мой товарищ с любопытством. «Она не человек. Она — заяц!» — «Ну так, стало быть, это и есть заяц!» — сказал мой товарищ. «Заяц-то заяц, да не простой. У него одно ухо, вишь, поднято, а другое к земле прижато! Да чего это зайцу приходить к людям, к землянке? Заяц людей боится, а этот на землянку забирается, а то под сосной сидит. И так каждую ночь! А днем пропадает».

Тут я понял, что речь идет о нашем питомце.

Утром я проснулся от хохота. Открыв глаза, увидел, что все население землянки собралось вокруг нас. Только в эту минуту я почувствовал, что рядом со мной лежит большой беляк, уткнувшись мордочкой под мышку. Я вскочил. Вскочил и заяц. Привстал на задние лапки, косо-косо посмотрел на всех и скрылся в густом чапыжнике.

Я рассказал историю зайца новым поселенцам землянки. «Смотрите, — говорили они, — зверь-то лесной, а добро помнит!»

На другой день мы навсегда покинули эти места.

И. Успенский

ДИКУША

Мы шли вдоль русла речки Сукпай. Извилистая долина, окаймленная ивняком и захламленная плавником, вела нас все дальше и дальше. Местами елово-пихтовая тайга густой чащей подступала вплотную к реке. Тянул ветерок.

На склоне сопки, в пихтаче, мы наткнулись на выводок дикуш. Мать, квохча, с предостерегающим «тк-тк-тк-тк-тк-тк» взлетела на дерево. Беспокоясь о птенцах, она совершенно не обращала никакого внимания на стоящих буквально рядом людей. Позировала. Защелкали фотоаппараты. А малыши рассыпались по кустам и затаились. Поди сыщи!

Эта своеобразная птица, водящаяся только на Дальнем Востоке, известна охотникам своей доверчивостью и полным отсутствием боязни человека. При появлении людей дикуша не пытается улететь или уйти, как это делают ее сородичи — рябчик, глухарь и другие, а затаивается на дереве. Или же спокойно ходит по земле, ожидает, когда непрошеный гость уйдет. Известный путешественник и писатель В. К. Арсеньев образно воспел дикушу в своей книге «Дерсу Узала».

«Его смирный люди!» — сказал гольд-проводник про эту таежную птицу.

Но дорого дается дикуше ее доверчивость. Она быстро исчезает и в некоторых районах края совершенно уничтожена. Для того чтобы сохранить эту редкую птицу и оградить ее от окончательного истребления, охота на дикушу запрещена. Она объявлена заповедной.

Питается дикуша иглами пихты да елки. Чтобы перемалывать такой грубый корм, заглатывает много мелких камешков. Летом с птенцами пасется на ягодниках.

В. Яхонтов

412 юных филателистов приняли участие в нашей викторине «Застольная кругосветка». Жюри внимательно рассмотрело все письма с ответами на вопросы «Кругосветки». Правильно ответили на все вопросы и набрали максимальное количество очков — 60 — следующие филателисты:

Алексеев Саша (Ленинград), Александрович Петя (г. Казань), Абуладзе Наташа (г. Тбилиси), Артемов Миша (Москва), Белоусов Василий (г. Уссурийск), Ванаева Галя (Ленинград), Вершеня Геннадий (пос. Шкотово Приморского края), Вакаускас Рисчас (г. Вильнюс), Гиршман Виктор (г. Ивано-Франковск), Гордиенко Владимир (г. Новоукраинка), Греков Евгений (г. Тамбов), Ефименко Наташа (Москва), Загидуллин Рустам (г. Казань), Захарова Таня (пос. Березник Архангельской обл.), Иванов Владимир (г. Алма-Ата), Ковшиков Александр (пос. Пестяки Ивановской обл.), Костяев Федор (г. Химки), Кулинич Зоя (г. Октябрьский Башкирской АССР), Костерин Александр (г. Горький), Колчак Юра (Аскания-Нова Херсонской обл.), Клемяционок Женя (Ленинград), Кононов Александр (г. Оренбург), Китаев Миша (г. Минск), Матвеев Андрей (Москва), Мешков Слава (Москва), Мосеев Виктор (г. Рига), Никитина Лида (Москва), Первов Владимир (г. Видное Московской обл.), Попов Алеша (г. Харьков), Романов Сережа (г. Ярославль), Романова Таня (пос. Березник Архангельской обл.), Рокитский Владимир (г. Фастов), Сизиков Игорь (Абакан), Савенков Владимир (пос. Апрелевка Московской обл.), Смирнов Сергей (г. Ханты-Мансийск), Теплинский Николай (г. Свердловск Луганской обл.), Тройчанский Михаил (Москва), Федоренко Сергей (г. Свердловск), Храповицкий Сергей (Москва), Цвелых Саша (г. Киев), Чилибин Евгений (г. Жданов), Чесалов В. (Москва), Шубович Сергей (Одесса), Юрлов Саша (г. Новосибирск).

Они и стали победителями викторины. Каждый из них награждается серией марок и годовой подпиской на наш журнал.

В этом номере:

На второй странице обложки: Площадка молодняка в зоопарке.

Главный редактор А. А. Виноградов

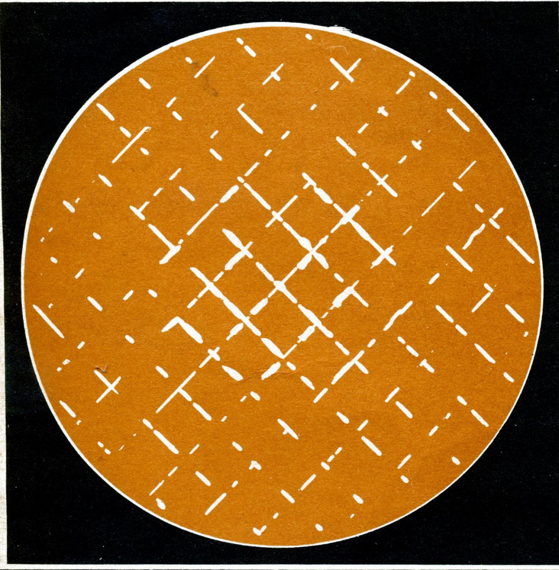
Редколлегия: Васильева Л. В., Дунин М. С., Корчагина В. А., Клумов С. К., Овчаров К. Е., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Шманкевич А. П., Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков

Художественный редактор А. А. Тюрин
Технический редактор В. Н. Савельева

Сдано в набор 2/X 1967 г. Подп. к печати 27/X 1967 г. А00969. Формат 84×108 1/16. Печ. л. 2,75 (усл. 4,6). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 270 000 экз. Заказ 2145. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30. Сущевская, 21.

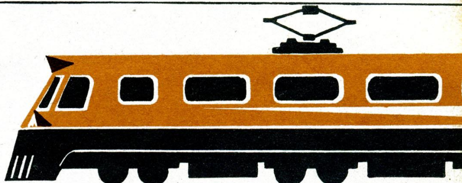
ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Многим из вас по пути в школу приходится переходить железнодорожные линии в зимние сумерки, снегопад и пургу, то есть при плохой видимости. Надо быть постоянно начеку: поезда несутся с огромной скоростью, а заметить приближающийся поезд в сумерках очень трудно. Да и снег на откосах часто осыпается.

ЗАПОМНИТЕ ГЛАВНОЕ ПРАВИЛО: ПРИ ЛЮБЫХ УСЛОВИЯХ, КАК БЫ ВЫ НИ СПЕШИЛИ, ПЕРЕХОДИТЬ ПУТИ СЛЕДУЕТ ТОЛЬКО ПО СПЕЦИАЛЬНО ОБОРУДОВАННЫМ ДЛЯ ЭТОГО МОСТАМ, ТОННЕЛЯМ, ПЕРЕХОДНЫМ МОСТКАМ С СИСТЕМОЙ СИГНАЛИЗАЦИИ, У ШЛАГБАУМОВ.

Никогда не переходите пути по протоптанным кем-то в снегу тропинкам, даже если эти дорожки очень сокращают путь к школе. О приближении поезда надо знать заранее (от поезда не убежишь, когда он несется со скоростью 50 метров в секунду!), а как вы об этом узнаете, если

на такой «нелегальной» тропке нет сигнализации?! Произойдет неминуемая катастрофа... ПОМНИТЕ, ЧТО ВСЮ ЗОНУ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ — ВСЮ СТОТРИДЦАТИТЫСЯЧЕКИЛОМЕТРОВУЮ ЛИНИЮ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ — ОГРАДИТЬ ВЫСОКИМ ЗАБОРОМ НЕВОЗМОЖНО! Надо объявить настоящий поход против всех «нелегальных» дорожек через железнодорожные пути, ведь чаще всего несчастные случаи происходят именно с теми, кто этими дорожками пользуется. Мы ждем вашей помощи, ребята! Воспитывайте у себя и своих товарищей дисциплинированность и высокую сознательность. О строгом соблюдении правил перехода через стальные магистрали поговорите в классе и на пионерском сборе.

УМЕНИЕ ПРАВИЛЬНО ПЕРЕХОДИТЬ ЧЕРЕЗ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ПУТИ ДОЛЖНО СТАТЬ ОСНОВНЫМ ПРАВИЛОМ ПОВЕДЕНИЯ ДЛЯ КАЖДОГО ИЗ ВАС!

МИНИСТЕРСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

